

ВЛАДИМИР КУЗНЕЧЕВСКИЙ

“ЛЕНИНГРАДСКОЕ ДЕЛО” 1949–1953

Исторические уроки

Краткая справка. Во второй половине 1946 года первый (по официальной иерархии) заместитель Генерального секретаря ЦК ВКП(б) Андрей Жданов (14.02.1896–31.08.1948) по собственной инициативе разработал не выходящую за рамки сталинской системы власти модель демократического устройства общественной жизни для послевоенного Советского Союза. Заручившись в личных беседах поддержкой своего непосредственного шефа, привлекая к разработке этого концепта председателя Госплана СССР, члена Политбюро ЦК, академика Николая Вознесенского (18.11.1903–01.10.1950), председателя Совета Министров РСФСР Михаила Родионова (1907–01.10.1950) и политическое руководство Ленинграда, в августе 1947 года Андрей Александрович официально представил И. Сталину текст, который он назвал проектом новой Программы ВКП(б). Подробно разработанный концепт предусматривал экономическое, социальное и политическое развитие советского общества вплоть до конца 1980-х годов и сопровождался проектом соответствующих изменений в Конституции СССР. Фактически в представленном документе речь шла о развитии советского общества в направлении строительства социального гражданского государства.

И. Сталин все эти предложения Жданова и Вознесенского внимательно прочитал, снабдил подробными письменными замечаниями и **отправил** их в свой личный секретный архив, категорически запретив знакомиться с этим документом кому бы то ни было.

КУЗНЕЧЕВСКИЙ Владимир Дмитриевич родился в 1939 году в г. Бодайбо. С отличием окончил философский и (факультативно) экономический факультеты МГУ им. М. В. Ломоносова. Профессор, доктор исторических наук. В 1970-е годы — научный сотрудник ИЭМСС АН СССР, первый секретарь 5-го Европейского отдела МИД СССР, первый секретарь посольства СССР в Югославии. В 1980–2006 годы — учёный секретарь Президиума АН СССР, заместитель главного редактора правительственной “Российской газеты”. Автор более 200 научных публикаций о политической истории России, Югославии, стран Восточной Европы. Опубликовано более двух десятков монографий об истории СССР и России в XX веке, Югославии, а также политических биографий Л. И. Брежнева, И. В. Сталина, В. В. Путина. Член Союза писателей России. Живёт в Москве.

После этого все авторы высказанных идей, кроме Жданова (умер от инфаркта в августе 1948 года), в октябре 1950 года специальным решением Военной Коллегии Верховного Суда СССР были приговорены к “высшей мере социальной защиты (расстрелу)”, а их сторонники по всей стране в течение февраля 1949 – марта 1953 годов подвергнуты тотальным политическим репрессиям. Волевой категорический запрет И. Сталина осуществить на деле концепт Жданова-Вознесенского **сыграл судьбоносную роль в нашей истории.**

И только сейчас, спустя семь десятков лет, поступательное развитие Истории доказало, что разработки Жданова-Вознесенского гениально предвосхитили идею построения того нового социального государства, модель которого в ряде стран Старого Света и Канады выдвинула общественность этих стран во втором десятилетии XXI столетия.

Этот творческий подвиг до сих пор не оценён по достоинству ни историками, ни теоретиками общественности.

Судьбоносные эти события в истории нашей страны закрепились под условным шифром “Ленинградское дело”.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Несмотря на то, что в СССР, начиная с 1962 года, историкам начали открываться некоторые государственные архивы, а с 1991 года в эту сферу попали совершенно секретные партийные архивы КПСС, события, в той или иной степени связанные с “Ленинградским делом”, до сегодняшнего дня фактически пребывают в зоне умолчания. И это при том, что судебные и политические репрессии, связанные с ними, носили настолько масштабный характер, что их вполне можно охарактеризовать как **национальную трагедию**, поскольку речь идёт о массовых репрессиях в отношении управленческих слоев **русской нации**, тех её слоев, которые любим народом наработываются и выдвигаются вверх не одним-единственным поколением, а потом, в случае исчезновения, восстанавливаются (если вообще восстанавливаются) в течение очень длительного исторического времени.

При исследовании “Ленинградского дела” историк сталкивается с массой фактов, которые понуждают прийти к выводу, что этот феномен правильнее было бы обозначить не по имени города Октябрьской революции, а как “Русское дело”. Приведу один, но типичный в этом плане пример.

В самом начале двухтысячных годов, когда мои архивные “раскопки”, связанные с исследованиями материалов по “Ленинградскому делу”, уже подходили к концу, известный в России и за рубежом историк Константин Александрович Залесский поведал мне эпизод из истории своей семьи. Дед Залесского А. Ф. Щёголев долгие годы входил в номенклатуру ЦК ВКП(б) и работал в Совете Министров РСФСР. В самом начале 1950 года карьерный рост привёл его на должность министра лёгкой промышленности РСФСР. Ни о каком “Ленинградском деле” он и слыхом не слышал, и вдруг в середине года его вызывают в Управление кадров Совмина РСФСР и молча, без объяснений, вручают его трудовую книжку, где уже была сделана запись, которая сообщала о том, что он уволен по собственному желанию и, не сказав даже “до свидания”, отбирают пропуск в здание министерства. Сказать, что министр был потрясен происшедшим с ним, – ничего не сказать. В СССР в то время не было безработных, а тут – номенклатура ЦК ВКП(б) вдруг в буквальном смысле выпровожена на улицу без выходного пособия и предложения нового места работы.

Оказавшись в таком положении, Алексей Фёдорович принялся обходить своих друзей и знакомых в поисках работы, но всюду встречал отказ без каких-либо объяснений. А спустя какое-то время узнал, что он такой не один: увольнениям без объяснения причин были подвергнуты все его русские знакомые из числа начальствующего состава.

На работу экс-министру удалось устроиться только через год в глухом уголке Московской области инженером на мебельную фабрику. И лишь после смерти Сталина Алексей Фёдорович смог стать инспектором на ВДНХ. Только тогда он узнал, что пострадал по “Ленинградскому делу”, так как в 1950 году для кадровиков существовал строжайший негласный приказ – увольнять руководящих работников русской национальности.

Случай со Щёголевым не был исключением из правил. Историк Рой Александрович Медведев, автор многочисленных трудов по истории СССР, писал в 2006 году: “Почти все репрессии по “Ленинградскому делу” проводились по общему сценарию. Вначале выдвигались обвинения в разного рода хозяйственных нарушениях, мелких злоупотреблениях или даже личной нескромности. Обвинённого снимали с работы и исключали из партии. Вокруг него возникала зона отчуждения. Только через два-три месяца следовал арест с предъявлением политических обвинений”¹. Так что можно сказать, что министр лёгкой промышленности А. Ф. Щёголев ещё легко отделался.

Точного количества жертв, пострадавших в этих событиях, и сегодня назвать невозможно, оценочные же мнения сильно расходятся. Так, в Постановлении Президиума Верховного суда РФ от 17 декабря 1997 года зафиксировано, что только бывший министр госбезопасности СССР В. Абакумов и его подчинённые физически “расправились со 150 осуждёнными по “Ленинградскому делу”. Директор Государственного мемориального музея обороны и блокады Ленинграда Сергей Курносов подходит с более общих позиций и включает в счёт не только тех, кто был расстрелян и замучен на допросах, но и тех, кто был исключён из членов ВКП(б), лишён работы, выселен из жилья, отправлен в заключение. “В целом по стране, – говорит он, – было репрессировано более 10 000 человек”. Современные историки сообщают, что в одном Ленинграде было репрессировано более 2 000 человек из партийных, государственных, хозяйственных и военных структур и преподавателей вузов, а в целом по стране – более 32 000 человек”.

Практическая неисследованность этих событий вплоть до сегодняшнего дня объясняется несколькими причинами.

Во-первых, вследствие жёсткого, даже категоричного запрета Сталина на обнародование информации об этих событиях, к которому он прибег ещё в 1949 году и строго придерживался вплоть до своей смерти. Но не только.

Многолетняя работа по этой теме с литературой и источниками в российских государственных архивах и архивах стран Восточной Европы и Югославии (когда ещё существовала эта удивительная страна) со временем подвигла меня к выводу, что основной причиной этого табу в советской, российской и западной историографии послужило (повторюсь) то обстоятельство, что в ходе массовых политических репрессий, имевших место по этому поводу, масштабные жертвы понёс именно русский этнический элемент, а “русский вопрос” в истории Советской России всегда был, начиная с 25 октября 1917 года, мягко выражаясь, проблемной темой. Российские историки на протяжении всего XX века именно по этой причине избегали (и продолжают это делать по сей день) касаться этой темы: все понимали (и понимают), что это чревато опасностью для научной карьеры.

Русский “флёр” этого “Дела” отпугивает от него и западных, прежде всего, американских историков: эти никогда не станут будить интерес к опасным для них (с геополитической точки зрения) событиям русской истории (по большому счёту ведь у англо-саксонского политического класса по обе стороны Атлантики, начиная с XVIII века, не было в мире более мощного конкурента и соперника, чем Россия. Похоже, так обещает быть и в XXI веке). Причину этого опасения очень точно, на мой взгляд, определил кандидат исторических наук Л. Решетников: “Запад, – написал он в 2013 году, – никогда не боялся большевистской идеологии, которую он сам и вскормил. Он не боялся диктатуры И. Сталина, пока речь шла о диктатуре руководителя ВКП(б). Но Запад и советская номенклатура всегда смертельно боялись возрождения исторической России”².

Бесхитростно и откровенно выразился на этот счёт выдающийся американский исследователь-аналитик, социальный философ Самюэль Хантингтон (1927–2008): “Конфликт между либеральной демократией и марксизмом-ленинизмом, – написал он в 1993 году, – был конфликтом между идеологиями, которые, несмотря на все свои отличия, имели сходство: обе были современными, светскими и якобы ставили своей конечной целью достижение свободы, равенства и материального благополучия. Но Россия традиционалистская, авторитарная, националистическая будет стремиться к совершенно иным целям. Западный демократ вполне мог вести интеллектуальные споры с советским марксистом. Но это будет немыслимо с русским традиционалистом. И если русские, перестав быть марксистами, не примут либеральную демократию

и начнут вести себя, как русские, а не как западные люди, отношения между Россией и Западом опять могут стать отдалёнными и враждебными”³.

Одновременно с Хантингтоном к такому же выводу пришёл и учёный прямо противоположных мировоззренческих позиций, знаменитый американский историк и экономист британского происхождения Энтони Саттон (1925–2002). В целой серии своих написанных в США книг Саттон на основе анализа массивной документальной базы убедительно показал, что с начала XX века американским политическим классом надёжно управляют банкиры с Уолл-стрит. Именно они, считал он, взрастили большевистский режим в России, начиная с 1920 годов, и фашистский режим в Германии в 1930-е годы. В том, что касается России, Саттон считал, что американские финансовые воротилы “могли согласиться и на централизованную царскую Россию, и на централизованную марксистскую Россию, но никак не на децентрализованную свободную Россию”⁴.

Иное дело отечественная среда. Здесь речь идёт не только о замалчивании этих событий в историческом плане, но и об искажении их. Более того, складывается впечатление, что даже в наши дни и то, и другое носит явно направленный характер. Так, например, составители Большой Российской энциклопедии (БРЭ) из года в год в течение всех последних 30 лет названному выше явлению посвящают всего 13 строк без всяких при этом изменений (само собой разумеется, что в советский период, даже после 1953 года, не было и этого). Вот эти 13 строчек:

“Ленинградское дело” – это серия дел, сфабрикованных в конце 40-х – начале 50-х гг., по обвинению ряда видных партийных, советских и хозяйственных работников в измене Родине, намерении превратить Ленинградскую парторганизацию в опору для борьбы с ЦК и т. п. Н. А. Вознесенский, М. И. Родионов, А. А. Кузнецов, П. С. Попков, Я. Ф. Капустин, П. Г. Лазутин приговорены к расстрелу, остальные – к длительным срокам тюремного заключения. Одновременно был осуществлён массированный разгром Ленинградского партийно-административного руководства. В последующем все реабилитированы, большинство посмертно.” Всё.

Для главной российской энциклопедии сообщение крайне скупое. Но главное здесь даже не в краткости, а в неверной информации, которая предлагается пользователю.

Во-первых, как читатель сможет ниже убедиться сам, знакомясь с предлагаемыми ему в основном тексте архивными документами, расстреляно было в рамках “Ленинградского дела” совсем не шесть человек, как сообщает Большая российская энциклопедия, а в разы и разы больше. Только в одном хранящемся в президентском архиве официальном письме министра госбезопасности СССР Сталину от 23 марта 1950 года В. Абакумов просит разрешить применить к арестованным по этому “Делу” “изменникам Родины, шпионам, подрывникам-диверсантам” в числе 85 человек ВМН (высшую меру наказания). Список открывается фамилией Н. А. Вознесенского. Абакумов докладывает Генсеку, что его просьбу полностью поддерживают “министр юстиции СССР тов. Горшенин, председатель Верховного суда СССР тов. Волин и генеральный прокурор СССР тов. Сафонов”. На письме наложена резолюция: “Согласен. И. Сталин”.

Личные архивы Генсека хранят не одно такое письмо Абакумова, в которых он просит разрешения применить ВМН и ко многим другим фигурантам по “Ленинградскому делу”.

Сознательно или нет, но главная российская энциклопедия вводит в заблуждение своих читателей и по поводу того, что “ленинградцы” были обвинены в судебном решении в “измене Родине”. Такую формулировку действительно предлагали использовать в проектах судебного решения Г. Маленков, Л. Берия и В. Абакумов. Но, как показывают архивные документы и мемуары современников тех лет, Генсек, получив эти предложения, грубо, в матерных выражениях, оборвал всех троих и приказал убрать из текста судебного решения эту клаузулу.

В конечном итоге, в Обвинительное заключение судебная коллегия во главе с генералом Матулевичем включила межеумочные, не говорящие ничего конкретного слова о том, что “по делу привлекаются к уголовной ответственности участники вражеской группы подрывников в партийном и советском аппарате”. Нет в тексте этого документа ничего и о том, в чём конкретно заключалась эта так называемая “подрывная работа”.

Причина, по которой энциклопедия вводит в заблуждение своих читателей, остаётся (пока) неизвестной, но объективно это “работает” на тезис некоторых современных историков, которые и сегодня продолжают стоять на позициях властей 1949–1953 годов: мол, “правильно расстреляли” “ленинградцев”.

Практически ничего не объясняет и предельно скупая фраза “все реабилитированы”. В государственных и партийных архивах мне удалось обнаружить только текст постановления Президиума ЦК КПСС от 29 марта 1954 года с поручением Прокуратуре СССР подготовить постановление о реабилитации лиц, проходивших по “Ленинградскому делу”, и коротенькое сообщение о том, что Военная коллегия Верховного Суда СССР 30 апреля 1954 года “приговор в отношении основных фигурантов “Ленинградского дела” отменила”, а сами эти лица “реабилитированы”. Это сообщение вызывает по меньшей мере недоумение. Во-первых, все решения партийных и государственных органов по “Ленинградскому делу” в послесталинский период и вся литература об этом событии, официальная, историческая и публицистическая, под “основными фигурантами” этого “дела” имеет в виду только тех шесть человек, которые 1 октября 1950 года были приговорены к расстрелу. А как быть в отношении сотен и тысяч тех фигурантов, которые остались за пределами этого приговора?

Остаётся неизвестным, почему до сегодняшнего дня в отношении реабилитации фигурантов “Ленинградского дела” советская власть и нынешняя российская отделяются лишь общими политическими заявлениями о том, что реабилитации жертв вполне достаточно, чтобы не возвращаться более к этому историческому белому пятну. Но при этом ни до 1991 года, ни позже власти по какой-то причине избегают отдать распоряжение о профессиональном исследовании этого “Дела”. Почему? В 2011 году к. и. н. Амосова А. А. на страницах журнала “Новейшая история России” пришла к выводу, что формальному исследованию в отношении жертв этого события препятствовал Н. Хрущёв, чтобы “скрыть своё участие в этом процессе”. Мои собственные “раскопки” в архивах подтверждают этот вывод: у Хрущёва были основания для такого поведения.

Единственным человеком, которому после смерти Сталина удалось не только поработать с архивными документами “Ленинградского дела” в читальном зале КГБ СССР в советское время, но и побеседовать с ответственными сотрудниками Комитета партийного контроля при ЦК КПСС, которым при Хрущёве была поручена работа по пересмотру ряда сталинских политических процессов, в том числе и “Ленинградского дела”, до сегодняшнего дня остаётся Л. А. Вознесенский – сын расстрелянного в 1950 году Александра Алексеевича Вознесенского, выдающегося государственного деятеля России, министра образования РСФСР, ректора Ленинградского государственного университета, родного брата Николая Вознесенского. В неоднократных личных беседах Лев Александрович рассказывал автору настоящей работы о содержании хранящихся в архивах документов и подробностях “Ленинградского дела”.

Из упомянутых бесед и в результате моей собственной работы в архивах удалось выяснить, что часть архивных документов, относящихся к “Ленинградскому делу”, была изъята из фондов Г. Маленковым, а часть уничтожена направленной в архивы командой, сформированной Н. Хрущёвым, который целенаправленно заметал свои следы в репрессиях 30-х годов и в “Ленинградском деле”. Особенную в этом плане активность Н. Хрущёв проявил весной 1953 года, когда перед Никитой Сергеевичем замаячила перспектива стать первым лицом не только в партии, но и в государстве. Последнее означало, что надо скрыть даже намёк на его участие в расстрельных делах не только в 30-е годы, но, прежде всего, в “Ленинградском деле”, потому что это произошло совсем недавно и оставшиеся в живых русские члены ЦК могли ему лично предъявить претензии за репрессии руководящих кадров РСФСР. Поэтому Н. Хрущёв даёт задание своему клевету, генералу И. А. Серову, подготовить справку по “Ленинградскому делу”. Тот, будучи обязан Н. Хрущёву своим назначением (после смерти Сталина) на должность председателя КГБ СССР, в ходе подготовки этого отчёта вычистил все следы участия Никиты Сергеевича в “Ленинградском деле”, но сделал это очень аккуратно. В справке, которую он 10 декабря 1953 года вместе с министром МВД С. Кругловым представил Н. Хрущёву, упор был сделан на то, что Г. Маленков после смерти Сталина изъял из этого архива 36 листов и не вернул их

(см.: “Политбюро и дело Берия: Сб. док. / под общ. ред. О. Б. Мозохина. М.: Кучково поле, 2012. С. 10, 23), а сама справка говорила не об основных фигурантах дела, а об их дальних и близких родственниках. “Разобравшись с лицами, осуждёнными по “Ленинградскому делу”, – докладывали первому секретарю ЦК КПСС министр МВД и его заместитель, – Министерство внутренних дел СССР считает целесообразным пересмотреть архивно-следственные дела на родственников осуждённых для вынесения заключений об отмене решений Военной Коллегии и быв. Особого Совещания МГБ, так как на абсолютное большинство из них не имеется серьёзных оснований для привлечения к уголовной ответственности или высылке в дальние районы страны (очень аккуратно пишет Серов: дескать, серьёзных оснований для высылки не было, а вообще-то основания были. – **Вл. К.**). Так, например, – продолжает И. А. Серов, – осуждены Особым Совещанием МГБ на 5 лет ссылки мать бывшего секретаря Ленинградского обкома партии Бадаева в возрасте 67 лет и две его сестры, проживавшие самостоятельно. Осуждены в ссылку: отец бывшего секретаря Ленинградского горисполкома Бубнова в возрасте 72 лет, мать 66 лет, два брата и две сестры. У бывшей заведующей Отделом комсомольских и профсоюзных органов Ленинградского обкома Закржевской осуждены Особым Совещанием в ссылку три сестры и дочь одной из сестёр – Балашова Таисия в возрасте 20 лет. У бывшего секретаря Ленинградского горкома Лёвина осуждены на разные сроки лагерей и ссылки мать, жена и три брата. Причём все братья значительно старше Лёвина, а одному из них 60 лет. У бывшего заместителя председателя Ленгорисполкома Галкина, кроме его жены, осуждены брат с женой и сестра на 5 лет ссылки каждый и дочь брата на 3 года ссылки.

Приведённые примеры свидетельствуют о том, что Особое Совещание МГБ без законных оснований, только по родственным признакам, в том числе и дальним, осудило на различные сроки содержания в тюрьмах и лагерях, а также в ссылку, большую группу лиц. В связи с изложенным Министерством внутренних дел СССР будут все следственные дела на эту группу осуждённых пересмотрены и с заключениями направлены Генеральному прокурору СССР с просьбой опротестовать в установленном законом порядке перед Верховным судом СССР и отменить решения военной коллегии и Особого Совещания МГБ по лицам, незаконно осуждённым. Вся эта работа будет выполнена в месячный срок. О результатах будет Вам доложено дополнительно” (ГАРФ. Ф. 8131. Оп. 32. Д. 3289. Л. 63-64).

Проведённая И. Серовым операция позволила Н. Хрущёву в 1957 году на Пленуме ЦК, который отстранил Г. Маленкова от всех должностей в верховной власти СССР, обвинить последнего в том, что именно он организовал “Ленинградское дело”. Г. Маленков на этом Пленуме ЦК попытался было пристегнуть Хрущёва к участию в репрессиях в отношении руководства РСФСР, но у него это не получилось: как следует из неправленной стенограммы Пленума, Никита Сергеевич прервал Маленкова и уверенно заявил, что его, Хрущёва, следов в “Ленинградском деле” нет. На что Г. Маленков, зная о проведённой И. Серовым работе в архивах в 1953 году, с сарказмом бросил фразу: “Ну, конечно, ты у нас, Никита Сергеевич, как всегда чист” (Государственный архив Российской Федерации. Ф. 8131. Оп. 32. Д. 3289. Л. 63-64). В советское время в последний раз “Ленинградское дело” было рассмотрено 5 марта 1988 года. В заключении Комитета партийного контроля (КПК) при ЦК КПСС отмечено: “Вопрос о преступной роли Г. М. Маленкова в организации так называемого “Ленинградского дела” был поставлен после июньского (1957 г.) пленума ЦК КПСС. Однако Г. М. Маленков, заметая следы преступлений, почти полностью уничтожил документы, относящиеся к “Ленинградскому делу”. Подвергнутый в ходе этого рассмотрения допросу бывший заведующий Секретариатом Маленкова А. М. Петроковский рассказал, что в 1957 г. он произвёл опись документов, изъятых из сейфа помощника Маленкова Д. Суханова. Как оказалось, Г. Маленков хранил в сейфе специальную папку с надписью “Ленинградское дело”. В ней находились объяснения первого секретаря (с 1949 г.) Ленинградского обкома В. М. Андрианова, подготовительные материалы выступления Маленкова в Ленинграде на партактиве по “Ленинградскому делу”, проекты постановлений Политбюро ЦК об исключении из членов ЦК ВКП(б) Н. Вознесенского и других. В 1957 г., перед осуждением “антипартийной группы Маленкова, Молотова и др.”, Г. Маленков

многие материалы из этой папки брал домой (в папке сохранились записи о номерах изъятых листов), но когда в КПК при ЦК КПСС ему было предъявлено требование вернуть взятое, Г. Маленков заявил, что он эти листы уничтожил как личные документы” (Известия ЦК КПСС. 1989. № 2. С. 133-134).

Как писал в 2013 году С. Ю. Рыбас, “в историческом плане “Ленинградское дело” продолжается до сей поры в силу ряда обстоятельств”. Обстоятельства эти заключаются, в том числе, и в том, что немалое количество современных отечественных экспертов склонны усматривать причины нынешних экономических неудач правительства в недостаточном уровне профессионализма управленческого звена на всех уровнях, а это последнее часто связывают с вымыванием кадров из сферы управления в ходе либеральной революции 1990-х годов. Не стану оспаривать этот тезис, но не могу не высказать своего убеждения в том, что вымывание таких кадров в массовом порядке произошло не только в ходе либеральной революции, но гораздо раньше, в последние годы жизни Сталина.

Цитированный выше Святослав Рыбас имел, как представляется мне, основания заметить: “А что было бы в случае прихода к власти “ленинградцев”? Тогда судьба СССР была бы иной. Думается, он избежал бы краха” (Рыбас С. Ю. Московские против питерских: “Ленинградское дело” Сталина. М.: Алгоритм. 2013. С. 209-210).

Фактически солидарен с Рыбасом в этом и автор фундаментального труда о положении евреев в СССР, доктор исторических наук Г. Костырченко: “Это тем более печально, что “ленинградская” политическая ветвь, питаемая соками робко возрождавшегося после войны российского самосознания и так безжалостно обрубленная с древа национальной государственности, могла бы в перспективе стать для страны весьма плодотворной. Правда, реализация ждановской идеи возрождения государственности России чревата была распадом империи, чего, впрочем, так и не удалось избежать. Спровоцировав, таким образом, в грозные предвоенные и военные годы рост русского самосознания и прагматично использовав его, в том числе и в интересах сохранения собственной власти, И. Сталин из страха перед возможной перспективой выхода этого самосознания за рамки дозволенного безжалостно его растоптал” (Костырченко Г. В. Тайная политика Сталина: власть и антисемитизм. – Изд. 2-е, доп. М.: Международные отношения, 2003. С. 289).

Представленный в настоящей публикации материал (архивные документы, их анализ и мои собственные размышления на этот счёт) показывает, как официальный заместитель Генерального секретаря ЦК ВКП(б) Андрей Александрович Жданов с 1932-го по август 1948 года проделал огромную позитивную работу, настойчиво и целеустремлённо, в буквальном смысле в ручном режиме, поштучно, отбирал и выдвигал в верхние этажи власти талантливых русских управленцев, которые свою главную задачу видели в существенном улучшении материального положения населения РСФСР, то есть собственно России. Но после смерти Жданова в августе 1948 года почти все эти выдвиженцы были уничтожены, и это обстоятельство существенно задержало историческое развитие России.

И последнее. По очередности, но отнюдь не по значимости.

После многолетней работы над анализом всех доступных на сегодняшний день материалов, имеющих отношение к “Ленинградскому делу”, невозможно не прийти к выводу, что вся сознательная политическая деятельность Генсека после 30 декабря 1922 года закономерно привела его к совершению предпринятых им в 1949-м – 1953 годах репрессиям по отношению к управленческим кадрам русского происхождения. Речь при этом идёт совсем не о русофобии Иосифа Джугашвили.

Как сегодня стало доподлинно известно историкам, Иосиф Джугашвили-Сталин был избран Генеральным секретарём ЦК РКП(б) (а фактически – волевым порядком назначен Лениным), то есть поставлен во главе большевистской политической партии 3 апреля 1922 года на Пленуме ЦК РКП(б), для вполне определённой цели. Ленин путём личных секретных переговоров с Каменевым, который этот Пленум готовил, настоял на назначении И. Сталина Генеральным секретарём ЦК во имя только одной-единственной, но главной цели своей жизни – ради создания Советского Союза, образование которого должно было, по мысли вождя большевизма, на веки вечные покончить с существованием Российской империи.

В протоколе Пленума ЦК хранится записка, написанная рукой Ленина, вдребезги разбивающая позднейшие домыслы о том, что вождь-де, выдвигая Сталина на должность Генсека ЦК, придавал этой должности сугубо техническое значение. Нет, Ленин с присущей ему гениальной прозорливостью отдавал себе самому отчёт в том, что из всего его окружения сохранить Советский Союз после его смерти может только Сталин и никто другой. В тексте личной записки Ленина, написанной карандашом его собственной рукой, о которой было известно только Каменеву, было написано: “Принять следующее предложение Ленина: ... Тов. Сталина поручается немедленно приискать себе заместителей и помощников, избавляющих его от работы (за исключением принципиального руководства) в советских учреждениях.

ЦК поручает Оргбюро и Политбюро в 2-недельный срок представить список кандидатов в члены коллегии и замы Рабкринина с тем, чтобы т. Сталин в течение месяца мог быть совершенно освобождён от работы в РКК...”⁵.

Иосиф Джугашвили-Сталин до самого конца своей жизни твёрдо и неуклонно выполнял данное ему Лениным поручение и жёстко карал тех, кто покушался (или мог покушаться) на разрушение СССР.

Это ведь Сталин 7 ноября 1937 года в очень узком кругу единомышленников грозно заявил:

*“Каждая часть, которая была бы оторвана от общего социалистического государства, не только бы нанесла ущерб последнему, но и не могла бы существовать самостоятельно и неизбежно попала бы в чужую кабалу. Поэтому каждый, кто попытается разрушить это единство социалистического государства, кто стремится к отделению от него отдельной части и национальности, он – враг, заклятый враг государства, народов СССР. И мы будем уничтожать каждого такого врага, хотя бы был он и старым большевиком, мы будем уничтожать весь его род, его семью... беспощадно будем уничтожать”*⁶.

Сильно забегая в нашем повествовании вперёд, можно сказать, что, расправляясь в 1949–1953 годах с, условно говоря, “ленинградцами”, Сталин в буквальном смысле именно так и поступил с ними и их семьями.

Весь нижеприведённый текст представляет собой материал, подтверждающий этот вывод.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

1. Исторические предпосылки “Ленинградского дела”

За весь период существования советской власти на территории бывшей Российской империи у безраздельно правящей в стране большевистской политической партии было всего три секретаря ЦК по вопросам идеологии: Николай Бухарин, Андрей Жданов и Михаил Суслев. Не считая, разумеется, Ленина, который до самого конца никому не доверял руководства идеологической работой, а потом и Сталина, который действовал в точном соответствии с поведением своего Учителя.

Михаил Андреевич Суслев (1902–1982) – фигура в этом ряду хоть и уникальная (только он соединил в своём лице идеологический стержень политической системы от Сталина до Горбачёва в фактически неизменном виде), но в рассматриваемом нами событии он сколько-нибудь значимой роли не играл и потому рассматривать его деятельность в настоящей публикации смысла нет.

Примерно то же самое можно сказать и о Н. И. Бухарине (1888–1938), но поскольку он формально начинал этот ряд и сыграл заметную роль в корректировке идеологической линии РКП(б) в 1920-х – начале 1930-х годов, обойти его невозможно.

Николая Ивановича на идеологическую стезю сподобил сам основатель большевистской партии. И сделал это ещё в декабре 1912 года, когда направил из Кракова в Вену никому не известного “чудесного грузина” Иосифа Джугашвили с целью написания статьи на тему “Марксизм и национальный вопрос”, а в помощь ему определил Бухарина, которого на закате своей земной жизни, в январе 1923 года, назовёт “превосходно образованным марксистом-экономистом”, “крупнейшим и ценнейшим теоретиком партии”. В 1915 году этот идеолог большевизма опубликовал книгу “Мировое хозяйство и империализм”, предисловие к которой напишет сам вождь, и вплотную включится в разработку идеологии большевизма.

До середины тридцатых годов Бухарин создаст целую серию работ, разъясняющих и оправдывающих целесообразность существования однопартийности в политической системе Советской России, и станет активно разрабатывать завещанную Лениным линию интернационализма в идеологии правящей партии, согласно которой главной опасностью в построении социалистического общества в СССР является великорусский шовинизм.

С этой целью Николай Иванович, будучи с 1924-го по 1929 год членом Политбюро ЦК ВКП(б) и личным ближайшим другом Сталина, а в 1934–1937 годах – главным редактором газет “Правда” и “Известия” и членом Президиума Коминтерна, сделал огромное количество докладов на партконференциях и съездах, опубликовал сотни передовиц и статей, написал полдесятка соответствующих книг.

Но с конца двадцатых годов Сталин пришёл к выводу, что курс Ленина на неизбежную победу мировой революции обстановка не подтверждает, и начал разрабатывать тезис о победе социалистической революции в одной отдельно взятой стране, а именно – в России. На деле это потребовало целого ряда изменений во внутреннем политическом курсе – нового подхода к истории, ужесточения внутренней политической системы и форм политической борьбы со своими противниками, совершенно иного подхода к деятельности Коминтерна (акцентирование работы зарубежных компартий не на разжигании революций в капстранах, а на поддержке за рубежом социалистических завоеваний в СССР) и т. д.

Бухарин этих новаций то ли не понял, то ли не захотел принять и перешёл в оппозицию к Генеральному секретарю ЦК РКП(б), и с этого момента потерял все руководящие политические должности в партии и в ИККИ.

С момента утери Бухариным доверия со стороны Сталина должность секретаря ЦК РКП(б) по идеологии в правящей партии фактически становится вакантной. И это в условиях, когда политическая и национальная гомогенность в стране, созданной 30 декабря 1922 года, находилась ещё только в стадии формирования.

Наиболее рельефно эта ситуация проявилась в ситуации с созданием новой исторической науки. Среди различных идеологических течений в этом аспекте господствующей, в силу личной поддержки Лениным, была историческая школа академика М. Н. Покровского (1868–1932), которая исходила из того, что надо отбросить прочь всю существовавшую до 1917 года русскую историческую науку, базирующуюся на трудах Соловьёва, Чичерина, Платонова, Ключевского и т. д., которые в основу своих учений помещали историю русской нации и русского национального государства. Весь этот контент Михаил Николаевич объявил “контрреволюционным, буржуазным и мелкобуржуазным” и предложил начать создавать “научную историю народов СССР, основанную на классовых принципах”. Ленин энергично поддержал его в этом деле тёплым личным письмом⁷.

До самого своего ухода из жизни в 1932 году Покровский боролся за то, чтобы новый теоретический контент исключал даже всякое упоминание слов “Россия, русский, великоросс”. Так, в августе 1928 года, когда он задумал созвать Всесоюзную конференцию историков-марксистов, то поначалу, надо полагать, по инерции включил в план работы секцию “История России”. Но через три месяца спохватился и переименовал секцию “История народов СССР”, объяснив свой поступок так: “От одной из устаревших рубрик нас избавил коммунистический стыд. Мы поняли – чуть-чуть поздно, – что термин “русская история” есть контрреволюционный термин, одного издания с трёхцветным флагом и “единой неделимой”⁸. Чуть позже объяснил эту свою позицию подробнее. Когда председатель ЦИК Грузинской ССР Филипп Махарадзе (1868–1941), известный по конфликту со Сталиным в 1922 году в вопросе становления федеративного устройства СССР, имел неосторожность высказаться о положительных исторических взаимоотношениях Грузии и России, это так возбудило Покровского, что он на Всесоюзной конференции историков-марксистов тут же взял слово и произнёс: “Великорусский шовинизм есть опасность много большая, чем это могут себе представить некоторые представители нацменьшинств. Ещё раз повторяю: я считаю, что т. Махарадзе относится к нам, русским, слишком снисходительно. В прошлом мы, русские, – а я великоросс самый чистокровный, какой только может быть, – в прошлом мы, русские, величайшие грабители, каких только можно себе

представить”⁹. До самого своего земного предела академик Покровский не устал настаивать, что “великодержавный русский шовинизм на данном этапе является главной опасностью”, что “историческое государство Россия... — это тюрьма народов”, призывал постоянно помнить о том, что “Ленин говорил: есть вещь, которая выше национального самоопределения, эта вещь — социализм”¹⁰.

Правда, одновременно с этим М. Н. Покровский последовательно боролся и против сепаратистских инициатив украинских историков¹¹.

Н. Бухарин в качестве секретаря ЦК по вопросам идеологии решительно поддерживал историческую школу Покровского до самой смерти академика. У Сталина положение было много сложнее. В 1920-е годы он был вынужден принять все продиктованные ему Лениным условия в вопросах национальной политики (по сути русофобские) и при этом постоянно талдычить вплоть до 1930 года, что “решительная борьба с пережитками великорусского шовинизма является первоочередной задачей нашей партии”, так как “великорусский шовинизм отражает стремление отживающих классов господствовавшей ранее великорусской нации вернуть себе утраченные привилегии” (Политический отчёт ЦК XVI съезду ВКП(б))¹².

Между тем осуществление на практике академиком Покровским ленинского принципа размыывания государствообразующей роли русского народа, сопровождаемое оголтелой политической кампанией в прессе союзных республик с призывами покончить с великорусским великодержавным шовинизмом, с требованиями “калёным железом выжечь колонизаторское наследие русского царизма”, якобы всё ещё живучее и присутствующее в поведении русских коммунистов, вело к тому, что к 1932 году стала расплываться по национальным швам вся политическая организация советского общества. Пристально контролируемый из Москвы коммунистический партийный аппарат своей политической и идеологической деятельностью, конечно, жёстко скреплял обручи советского политического организма по всей стране, но достаточной социальной прочности он всё же не обеспечивал, то тут, то там постоянно возникали очаги политического недовольства политикой Москвы в национальном вопросе. Генсека это сильно беспокоило, так как под вопрос вставало существование самого ленинского творения — Советского Союза. Спасать надо было государство, да и свою собственную политическую власть в нём.

Следует учесть и то, что Сталин в эти годы жил под гнётом полной уверенности, что империалистический Запад вынашивает мысль о скором падении на “первое в мире социалистическое государство рабочих и крестьян”. Дать отпор такому нападению можно было только при условии сохранения крепкого социального единства советского общества. А какая социальная и национальная сила могла такое единство обеспечить? Уж, конечно, не грузины или ориентированные на Австрию галицийские украинцы, которым Ленин “подарил” целую союзную республику. Это мог обеспечить только русский национальный элемент, доля которого в общем составе населения СССР составляла около 70%. Но для того, чтобы русские такую роль на себя приняли осознанно, им нужно было сообщить, что именно они-то и являются ведущей социальной силой советского общества.

И Генсек к концу 1920-х годов принимает решение начать разворачивать идеологическую лодку в эту сторону. Начал он этот процесс с фактического отстранения Бухарина от политики, а потом дело дошло и до исторической школы Покровского.

27 декабря 1929 года Сталин выступает на конференции аграрников-марксистов и ставит вопрос о “разрыве между практическими успехами и развитием теоретической мысли”. Этот упрёк в адрес исторической школы Покровского, заключающийся в том, что предлагаемая ею теория перестаёт отвечать нуждам практического строительства социалистического государства, никто не заметил, включая и самого Покровского. Но Сталин не успокаивается на этом и в октябре 1931 года пишет письмо “О некоторых вопросах истории большевизма”, которое публикуют все московские партийные идеологические журналы (“Большевик”, “Пролетарская революция”, “Коммунистическое просвещение”, “Борьба классов”).

Сталин начинает понимать, что в этих очень сложных внутренних и внешних обстоятельствах профессиональной идеологической работой должен заниматься специально выделенный секретарь ЦК. Но это был вопрос крайне

деликатный. Опыт Бухарина показывал, что эту должность мог занимать только такой человек, которому Сталин мог бы полностью доверять в личном плане. Таким человеком в этот период был только руководитель Ленинградской партийной организации С. М. Киров. Ему Генсек и предложил должность секретаря ЦК по вопросам идеологии.

Протокнуть в Политбюро решение о введении в номенклатуру должности ещё одного секретаря ЦК труда не составило, но Киров категорически отказался переезжать из Ленинграда в Москву и уж тем более заниматься вопросами идеологии: “Ну, какой же из меня историк?!” – заявил он Сталину.

Как пишет биограф Жданова Алексей Волынец, формально Киров отказался от заманчивого предложения потому, что ему якобы очень уж хотелось “вместе с ленинградскими товарищами успешно завершить вторую пятилетку”. На мой взгляд, причины были более обстоятельными. Обладая огромным опытом партийной и государственной деятельности, в том числе и на подпольной стезе, Киров давно уже понял, что интерес к идеологической работе у него просто-напросто отсутствует. Будучи человеком умным, он это осознавал и предвидел своё грядущее фиаско на этом поприще. Ну и, кроме того, Мироныч, как его называли в партийных кругах, был большим любителем жизненных удовольствий, в частности, женщин. В Питере он этими удовольствиями пользовался бесконтрольно (за что и поплатился, в конце концов, когда прозвучал выстрел Николаева), а переехав в Москву, был бы вынужден сильно сократить свои похождения. Так это было или как-то иначе, но в ночь с 10 на 11 февраля 1934 года в результате очень долгого разговора Кирова со Сталиным на квартире последнего ими был найден компромисс: Мироныч согласился стать новым секретарём ЦК, но только как формально отвечающий за идеологию. Вся же черновая работа на этом поприще должна быть возложена на ещё одного секретаря ЦК, который будет находиться в Москве, на личной связи с Кировым и Сталиным. Сам же Мироныч остаётся “на хозяйстве” в Ленинграде.

В осуществление этого соглашения в январе 1934 года Киров стал секретарём ЦК и членом Политбюро. Одновременно с этим Сталин начал поиск заместителя Кирова с дислокацией в Кремле. Выбор пал на секретаря губкома РКП(б) Нижегородчины.

2. Жданов сдает политический экзамен

Сталин обратил внимание именно на нижегородского партийного секретаря совсем не случайно и уж тем более не спонтанно, как пишет биограф Жданова Алексей Волынец. Помог совет “всероссийского старосты” – председателя ЦИК М. И. Калинина.

А. Н. Волынец, автор первой за многие годы фундаментальной биографии А. А. Жданова, отмечает, что ещё в 1920-е годы, работая в Тверской партийной организации, 25-летний перспективный партийный активист Андрей Жданов привлёк внимание председателя ВЦИК, тверского уроженца М. И. Калинина. Именно с подачи “всероссийского старосты” в 1922 году управление кадров ЦК РКП(б) направило председателя губисполкома Твери, члена губкома РКП(б) и члена ВЦИК Жданова Андрея Александровича для работы в пролетарский район Сормово в Нижний Новгород заведующим Агитпропотделом и членом бюро Нижегородского губкома. Таким образом внук сельского священника по отцовской линии и профессора богословия по материнской, сын дворянина, надворного советника, инспектора народных училищ с самого начала своей политической жизни был по воле кадровиков ЦК партии “повенчан” с пропагандистской профессией, на какой он и пребывал до смертного своего часа. Политические семинары, партийные дискуссии, лекции по внешней политике, непосредственные рабочие контакты с огромным количеством активистов социалистического строительства в период коллективизации и индустриализации стали его повседневной жизнью.

Внимательно отслеживая борьбу за власть в верхах партии, молодой партийный работник сразу же начал “правильно” ориентироваться на группировку Сталина в борьбе того с Троцким, Зиновьевым, Каменевым, Бухариным. И потому уже через два года после приезда на Нижегородчину, летом 1924 года он становится руководителем Нижегородского губкома, а в декабре 1925-го избирается кандидатом в члены ЦК ВКП(б).

Нижегородский край в эти годы оказался на самом острие индустриализации и, как следствие, на пике рабочих забастовок, масштаб которых стал угрожать индустриализации страны. Стремясь глубоко разобраться в этой опасности, ЦК в 1926 году посылает в Нижний Новгород партийную комиссию, во главу которой был поставлен инструктор Организационно-распределительного отдела ЦК Георгий Маленков.

Молодой (24 года от роду) партаппаратчик из Кремля воспринял своё задание как шанс привлечь к самому себе внимание Генсека, а для этого надо было максимально дискредитировать работу первого секретаря губкома, показать его неумелость и непрофессионализм. Маленков, что называется, “рыл землю”, чтобы доказать это.

Как пишет А. Н. Волынец, в документе, исполненном Маленковым и представленном в ЦК, ситуация с настроениями пролетариата в Нижнем Новгороде выглядела удручающе. По мнению руководителя парткомиссии ЦК, крайком не принимал никаких мер по привлечению низового актива к пропаганде политики партии, основная масса членов партии не посещала даже партийных собраний, не участвовала в общественной жизни и не платила членских взносов. Маленков отметил также большое количество растрат, краж и особенно пьянство¹³.

Молодой инструктор Орграспреда ЦК, по-видимому, рассчитывал, что после его доклада в ЦК 30-летний секретарь Нижегородского губкома будет снят с должности. 12 сентября 1926 года Жданова действительно вызвали с объяснениями на заседание Оргбюро ЦК. Заседание вёл Сталин, и выяснилось, что его заботило совсем не то, на что делал упор Маленков: не игнорирование членами партии собраний и не плохая уплата членских взносов. Стенограмма заседания Оргбюро показывает, что Генсека волновал ход индустриализации, и потому вопросы, которые он задавал, касались, прежде всего, действительных причин забастовок, конфликтов по вопросам зарплаты, столкновений между квалифицированными и неквалифицированными рабочими.

К удивлению Сталина, Жданов держался спокойно, на вопросы отвечал вдумчиво и, что самое главное, по делу. Вопрос повышения зарплаты и той, и другой группе рабочих **ставить**, конечно, необходимо, отвечал секретарь Нижегородского губкома, но только **ставить**, чтобы снять напряжение, а вот **обещать ничего не надо**: средств-то всё равно нет. “Товарищ Сталин, – сказал Жданов, обращаясь лично к Генсеку, – бузят-то больше квалифицированные рабочие. Они являются наиболее требовательным элементом. Они поднимают вопрос, чтобы ещё больше сделать разницу, а неквалифицированные боятся, как бы этого не произошло. . . Мы считаем, что эту разницу между квалифицированными и неквалифицированными нужно оставить. Во всяком случае, не давать квалифицированным уйти вперёд”¹⁴.

Сталину очень понравились не только компетентность руководителя края, но и сама манера держаться на высоком партийном суде. А несколько косвенных вопросов Жданову и ответы на них показали Генсеку, что секретарь Нижегородского губкома надёжно контролирует обстановку в большом и сложном регионе центральной России.

В итоге Маленков потерпел аппаратное поражение, и в нём навсегда задела неприязнь к Жданову, а Сталин в 1926 году “положил глаз” на секретаря Нижегородского губкома и уже больше не сводил с него взора. С этого момента Жданов стал набирать политический и общественный вес, а Нижегородский край стал лидером индустриализации в СССР.

В начале 1934 года, через месяц после XVII съезда партии Жданова назначают секретарём ЦК и на него тут же “навешивают” едва ли не все вакансии в ЦК: он стал курировать сельскохозяйственный отдел, планово-финансово-торговый, политико-административный, руководящих парторганов, управления делами, а потом ещё и агитации и пропаганды. Фактически же по всем этим обязанностям Жданов становится неофициальным помощником Сталина. Об этом свидетельствует хотя бы тот факт, что в 1934 году Жданов провёл в кабинете Генсека 278 часов. Больше него со Сталиным в том году работали только Молотов и Каганович.

Но при этом Сталину был нужен в Кремле не просто партийный функционер с выдающимися организационными способностями, который был бы психологически совместим с Кировым и самим Генсеком, но ещё и, по вполне понятным причинам, этнически русский секретарь ЦК. Жданов таким человеком

и стал. Генсек почти безоговорочно стал доверять Жданову (ни до, ни после он уже ни к кому, кроме Кирова, не относился с таким доверием).

С приходом Жданова в Кремль Сталин начал, наконец, прямую борьбу с идеологическим наследием Ленина в сфере исторической науки. Сын Андрея Александровича в своих мемуарах вспоминает, что в августе 1934 года на даче Сталина в Мацесте вождь, Киров и Жданов “много говорили о Покровском и покровщине”, естественно, в сугубо критическом ключе. Именно в этой связи 8 августа 1934 года родились здесь два документа, которые “стали ключевыми директивами, во многом определившими официальную идеологию той эпохи”, – подписанные Сталиным, Ждановым и Кировым “Замечания по поводу конспекта учебника по истории СССР” и “Замечания о конспекте учебника новой истории”. Биограф Жданова справедливо замечает: “Эти тезисы во многом, даже в отдельных деталях хронологии и формулировках, предопределили советскую историческую науку и после завершения сталинской эпохи”. Проводить эти тезисы в жизнь Сталин поручает Жданову.

В первый же год работы Жданова в Кремле Сталин сразу и резко приближает нового секретаря ЦК к себе, приглашает его на застолья в своей кремлёвской квартире, а летом 1934 года – на свою дачу в Сочи. И потом в качестве политического теста на выживаемость поручает ему и совсем уж крайне деликатное дело: руководство Первым Всесоюзным съездом советских писателей, проводимым по личной просьбе Сталина М. Горьким. Это был экзамен на соответствие нового секретаря ЦК на идеологическую пригодность. Жданов этот экзамен выдержал. Его каждодневные вечерние доклады Сталину о том, как идут дела на съезде, как ведёт себя в процессе прений М. Горький, как выглядят в своих выступлениях и в кулуарах съезда Бухарин, Радек и другие, вождя полностью удовлетворяли. По окончании этого двухнедельного действия Жданов становится идейно и по-человечески (а две эти ипостаси Сталин никогда не разделял) окончательно близок к вождю. Судя по всему, Жданов понял: можно было спокойно приступать к созданию вокруг себя собственного кадрового окружения, что он и сделал.

Но в этом же 1934 году положение Жданова круто изменяется. 1 декабря в коридоре Смольного в Ленинграде выстрелом в затылок некто Николаев убивает Кирова, и Сталин ставит на Ленинградскую партийную организацию помощника Кирова в Москве Жданова. Андрей Александрович сохраняет за собой пост секретаря ЦК, но в Москве теперь, вплоть до 1945 года, бывает только наездами.

3. Кадровая революция нижегородского секретаря

Сегодня, к сожалению, можно только гадать о том, сознательно Жданов с приходом в Кремль начал выдвигать в руководящее звено партии и государства этнически русские кадры или это были интуитивные, основанные на проявлении национального самосознания действия, к которым его подтолкнул сам Сталин своим “коренным поворотом” в национальном вопросе прочь от ленинских интенций и исторической школы Покровского. Документов тех лет, которые подтверждали бы эту догадку, в архивах не осталось. Да их, наверное, и не было в природе. Надо хорошо представлять себе психологическую атмосферу тех лет, в которой “варились” руководители партии и правительства, чтобы с большой долей уверенности сказать, что таких документов и не могло быть. Остались только позднейшие мемуарные воспоминания сына Жданова Юрия, да ещё Н. Хрущева о том, что с момента переезда в Кремль Жданов в кратких разговорах с ним в 30–40-е годы постоянно возвращался к теме о том, что русский народ в Советском Союзе незаслуженно обойдён в своём социальном и материальном положении.

Остаётся, однако, фактом, что с 1934 года Жданов начинает настойчиво выдвигать вверх русские кадры. И тенденция эта была настолько явственной, что биограф Жданова Алексей Волынец в своих позднейших публикациях прямо называет эту тенденцию “аппаратной революцией Жданова”.

Невозможно отрицать, что с приходом на верхи власти Жданов действительно сразу же начал подбирать “свою” команду, хотя в строгом смысле слова его окружение командой никогда не являлось, да даже и не выглядело таковой. К выходцу из центральной русской области люди тянулись, скорее всего,

в силу его личного обаяния, брызжущего из него во всех обстоятельствах большого творческого заряда, организационного импульса. Но невозможно, конечно, сбрасывать со счетов и фактор национального, русского инстинкта.

Наверное, первым в этом ряду следует назвать А. С. Щербакова (1901–1945). Эта связка была самая давняя, так как Жданов был женат на родной сестре Щербакова. Во всех случаях между Щербаковым и Ждановым всегда сохранялись очень тёплые отношения, начало которым было положено ещё в 1920-е годы, когда Щербаков работал в партаппарате Нижегородской области (крае) под началом Жданова. В 1936 году Жданов “вытаскивает” Щербакова с Нижегородчины, назначая его вторым секретарём Ленинградского обкома и горкома партии. В 1937–1938 годах по рекомендации Жданова Сталин направляет Щербакова возглавить последовательно ряд областных комитетов партии в Сибири и на Украине. Александр Сергеевич всюду проводит массовые чистки партийного, государственного и хозяйственного аппаратов, а на место уничтоженных руководителей ставит новых, которых Москва тут же утверждает. Жданов как член высшего руководства партии принимает в этих утверждениях активное участие.

Случай со Щербаковым не был единичным. Переехав в Ленинград, Жданов начинает формирование новой руководящей команды в городе и области. В 1935 году он “вытаскивает” из Сталино (ныне Донецк, Украина) руководителя группы планирования и учёта Комиссии советского контроля при СНК СССР 30-летнего Н. А. Вознесенского и ставит его во главу Ленинградской городской плановой комиссии, а потом выдвигает его на должность председателя горисполкома Ленинграда. В 1937 году освобождается должность председателя Государственной плановой комиссии при СНК СССР¹⁵, и Жданов, по воспоминаниям А. Микояна, рекомендует Сталину поставить на эту должность Н. Вознесенского, что и происходит.

В 1937 году Жданов ставит директором ткацкой фабрики “Октябрьская” 32-летнего выпускника текстильного института А. Н. Косыгина, а потом назначает его заведующим промышленно-транспортным отделом Ленинградского обкома. Через год Косыгин становится председателем горисполкома, а ещё через год Жданов рекомендует его Сталину, и вождь выдвигает Косыгина на должность наркома текстильной промышленности и в члены ЦК ВКП(б).

В том же году Жданов “разглядел” на заводе “Большевик” (бывший Обуховский) 30-летнего заместителя руководителя конструкторского бюро Д. Ф. Устинова, а в 1938-м убеждает Сталина назначить Устинова директором завода. В 1941 году Дмитрий Фёдорович становится наркомом вооружений.

В самом Ленинграде Жданов формирует свою собственную команду. Уроженец старого русского городка Боровичи, Алексей Александрович Кузнецов, пройдя до этого школу работы в партаппарате Новгородчины, был замечен ещё Кировым и поставлен на руководство Дзержинским райкомом города, а в августе 1937 году, в 32 года, он становится ближайшим помощником Жданова и вторым секретарём горкома.

В 1939 году председателем Ленинградского горсовета становится П. С. Попков, за которым Жданов внимательно наблюдает с 1937 года, когда тот закончил Ленинградский институт инженеров коммунального строительства и был избран председателем Ленинского райсовета депутатов.

В 1939 году в команду Жданова включается человек с очень непростой биографией – инженер Я. Ф. Капустин. В 1935 году он проходил производственную стажировку в Англии. В 1937-м исключался из партии за производственные ошибки, а потом был восстановлен. Тем не менее Жданов вводит его в горком на должность секретаря по промышленности.

Каждый из ждановских выдвиженцев начинает, в свою очередь, и сам окрывать себя верными ему управленческими кадрами.

Естественно, при всём при этом растёт политический вес и самого Жданова. 4 мая 1941 года Политбюро принимает постановление “Об усилении работы советских и местных органов”, согласно которому бывший нижегородский секретарь официально становится “заместителем тов. Сталина по Секретариату ЦК”, то есть, по сути, вторым человеком в партии и в стране. Почти одновременно с этим Сталин назначает своим первым заместителем по Совнаркому Николая Вознесенского, а начальником Управления пропаганды

и агитации ЦК становится выдвиженец Жданова Щербаков, он же – и первый секретарь Московского комитета партии.

Возрастание ждановского политического влияния продолжится и после войны. На выборах Верховного Совета в 1946 года Жданов становится председателем палаты Совета Союза Верховсовета СССР и 19 марта председательствует на совместном заседании обеих палат. Это на его адрес (“Председателя совместного заседания Совета Союза и Совета Национальностей Верховного Совета СССР тов. Жданова А. А.”) Сталин направляет заявление с просьбой утвердить правительство СССР во главе с И. В. Сталиным. Жданов утверждает.

Параллельно с этим событием в Кремле проходит первый после 1939 года Пленум ЦК, на котором с докладами выступают три человека: Сталин, Жданов и Маленков. Только эти трое избираются на Пленуме во все высшие органы партии – Политбюро, Оргбюро и Секретариат.

Застарелый, ещё с 1920-х годов антагонист Жданова Г. М. Маленков хоть и входит в тройку самых влиятельных аппаратных партийных политиков, вынужден смириться с тем, что влияние Жданова продолжает расти в аппаратном аспекте. Сталин соглашается со Ждановым в том, чтобы первый секретарь Ленинградского обкома и горкома А. А. Кузнецов стал секретарём ЦК по вопросам кадровой политики партии (в Питере его сменяет П. С. Попков). Сталин даже идёт дальше и уже сам, без подачи со стороны Жданова, предлагает вменить Кузнецову и контроль над органами безопасности в стране, за который (контроль) с военного времени шла постоянная тяжба и “перетягивание каната” между министром госбезопасности (с 1946 года) В. Абакумовым и Берией¹⁶.

Одновременно с Кузнецовым секретарём ЦК и членом Оргбюро, оставаясь первым секретарём МГК и МК ВКП(б) и председателем Моссовета, стал другой выдвиженец Жданова – Г. М. Попов. А через месяц новым секретарём ЦК и заведующим Организационно-инструкторским отделом ЦК стал ещё один выдвиженец Андрея Александровича, известный ему ещё со времени работы в Нижнем, – 38-летний Н. С. Патоличев.

Выходцы из ленинградской команды Жданова в этот период возглавят и целый ряд регионов страны. “Ленинградцы” займут ключевые посты во вновь созданных в 1944–1945 годах Псковской и Новгородской областях. Второй секретарь Ленинградского обкома Иосиф Турко возглавит Ярославскую область. Председатель Исполкома Леноблсовета Николай Соловьёв возглавит Крымскую область. Секретари Ленинградского горкома Георгий Кедров и Александр Вербицкий станут партийными руководителями соответственно Эстонской ССР и Мурманской области.

Кроме того, заместителем министра Вооружённых Сил СССР становится близкий Жданову человек, бывший командующий Ленфронтом маршал Л. Говоров, а начальником Главного политического управления Советской армии – генерал И. Уткин, бывший руководитель Горьковского автозавода. Были и другие назначения подобного рода. Судя по всему, Сталин, видя, что Жданов всех своих выдвиженцев оценивает, прежде всего, по деловым качествам, ничего не имел против этих кадровых движений. Форум “За Правду и право” отмечает, что все выдвиженцы второго человека в партии отличались не только тем, что были лично знакомы Жданову, но и тем, что все они доказали делом способность решать “сложнейшие хозяйственные задачи”.

Все эти выдвиженцы были этнически русскими. Сталин не мог, конечно, не видеть, что ждановские выдвиженцы расширяют свой ареал влияния, окружая самих себя своими собственными кадрами. Но внешне он не придавал этому значения. Никто пока, даже Абакумов, не обратил внимания и на то, как Пётр Попков, выступая на объединённой областной и городской партийной конференции Ленинграда, с гордостью сказал, что за два минувших года Ленинградская парторганизация выдвинула на руководящую работу по всей территории СССР 12 тысяч человек. Забегая вперёд, следует сказать, что в 1949–1953 годах все они переживут крушение своих судеб.

В декабре 1945-го Сталин возвращает Жданова из Ленинграда в Москву. Но за полтора года до этого имело место одно весьма важное политическое событие, которому, на мой взгляд, до сих пор ещё не дана должная оценка, на которое имеет прямое отношение к теме нашей публикации.

4. “Квасной патриотизм” Андрея Александровича

В мае 1944 года Сталин неожиданно для всех собирает в Кремле ведущих учёных-историков и ставит перед ними задачу разработки нового учебника истории СССР. Он держит всю эту братию в Москве до сентября. Казалось бы – с чего бы это вдруг? Идёт война, страна задыхается в тисках голода и перенапряжения от необходимости наращивать все виды вооружений, идут тяжелейшие переговоры с англо-американскими союзниками об открытии второго фронта в Европе, а вождя вдруг заинтересовали проблемы преподавания истории!

Это закрытое (а правильнее было бы сказать – секретное) многомесячное совещание историков в Кремле, в котором приняли участие все главные идеологи ВКП(б), до сих пор овеяно ореолом загадочности и тайны. Так, ещё в 2013 году ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН Т. С. Бушуева отмечала:

“Причины созыва этого совещания в Кремле в формате нескольких заседаний, да ещё в секретном режиме, с участием более 50 ведущих исследователей истории СССР, а также секретарей ЦК ВКП(б) А. С. Щербакова, А. А. Андреева, Г. М. Маленкова и ответственных работников аппарата ЦК, до сих пор остаются дискуссионными... Исследователи единодушны также в оценке того, что необходимость созыва такого совещания была обусловлена личным директивным вмешательством Сталина в трактовку ряда спорных проблем истории России от древности до 1917 года, выработкой так называемых “принципиальных установок для всех историков”... Полной информации об этом мероприятии историки не имеют до сих пор в силу сохраняющейся секретности архивных материалов. К примеру, не найден или засекречен текст ключевого выступления на совещании секретаря ЦК Георгия Маленкова. Известно лишь общее указание Маленкова, что дискуссия в ходе совещания должна “идти в рамках дозволенного” и сводиться к тому, чтобы лишний раз доказать правоту материалистического понимания истории”¹⁷.

Сожаления Т. С. Бушуевой, в общем-то, лишены оснований, так как в РГАСПИ ещё в 2011 году был обнаружен полный текст выступления Г. М. Маленкова на этом совещании под названием “Вопросы, поставленные ЦК ВКП(б) перед историками”¹⁸.

Нас это совещание интересует только с одной стороны: здесь вновь, уже в который раз, скрестились пути Жданова и Маленкова.

Не желая привлекать к работе совещания находящегося в Ленинграде Жданова (в это время шла напряжённая работа по деблокации Ленинграда), вождь поначалу поручил разобраться с историками Маленкову: провести это совещание и завершить его в достаточно краткий срок. Тот с энтузиазмом принялся за дело, но выполнить задание Генсека не сумел: не хватало интеллекта. Поэтому 17 июля Сталин вызывает из Ленинграда Жданова и вручает бразды правления историками ему.

Забегая вперёд, следует отметить, что с поставленной задачей за три месяца не справился и Жданов. Вождь несколько раз беседовал с ним по несколько часов в своём кабинете, Андрей Александрович несколько раз по личным указаниям вождя переписывал проект финальной резолюции совещания, но в сентябре 1944 года историки так и разъехались из Москвы, не получив проекта итогового документа. А. Л. Юрганов считает, что причина такой ситуации заключается в том, что Сталин и сам не знал, чего он хотел от этого совещания¹⁹.

Думаю, что причина всё-таки была. До 1944 года Сталин полагал, что во имя победы над Германией в идеологии следует из всех сил поднимать роль русского народа, а в 1944-м, когда пришёл к выводу, что победа над Германией уже неизбежна, решил в национальном вопросе сделать очередной политический кульбит: убедить всех в том, что в битве с фашизмом солдаты защищали не “матушку Россию”, как он летом 1942 года сказал Черчиллю, а **советский** политический режим. С этой целью собранные им в Москве историки должны были в кратчайший срок создать новую историческую науку и срочно переписать все учебники истории.

Но говорить об этом прямо Жданову Генсек не стал: тот сам должен был догадаться. Жданов не догадался. А если и начал догадываться, то переломить себя не смог. И потому во всех проектах резолюции совещания неизменно

подчёркивал “ведущую роль русского народа в борьбе за социализм”, выпивал “ту помощь, которую оказывал и оказывает русский народ другим народам в деле развития их государственности и культуры”. “Это, — упрямо писал Жданов в каждом варианте проекта, — не может не наполнять каждого русского чувством гордости”.

Из варианта в вариант предлагаемых Генсеку проектов резолюции Жданов настаивает на том, что “советский патриотизм вырос и укрепился на основе борьбы лучших представителей русского народа с царским самодержавием, буржуазией и их захватническими империалистическими вождениями”. Сталина это категорически не устраивает и на полях последнего варианта проекта резолюции прямо против этого абзаца Генсек пишет карандашом: “Не только”. И потом поясняет: “Сов. патриотизм окреп в годы Отечественной войны. Единство народов” и далее: “Попытки подменить квасным патриотизмом. Истинные и квасные патриоты в прошлом: Чернышевский — Пушкин. Аракчеев — царизм”.

Жданов пишет: “Советский патриот любит свою страну и любит свою нацию”. Сталин на полях: “Какую?”

Как показывают архивы, с 18 июля по 13 августа Жданов лично Сталину вручил в его кабинете несколько вариантов проекта резолюции совещания историков, и во всех подчеркнул решающую роль русского народа в построении социализма в СССР и в битве с немецким фашизмом. Генсек отверг один за другим все представленные ему тексты резолюций, причём разгневан был так, что последнюю свою правку не стал даже показывать Жданову, отослал всё, что ему предложил его заместитель, в свой личный архив, а Андрея Александровича молча отправил обратно в Ленинград.

Фактически именно здесь и начало зарождаться то, что через несколько лет приобрело название “Ленинградского дела”.

Стойкую неприязнь к себе со стороны Маленкова Жданов ощущал всегда, начиная с 1920-х годов. Отвечал Георгию Максимилиановичу тем же и использовал любую возможность убрать того со своего пути. Так, в хранившихся в РГАСПИ записных книжках Жданова в 1947 году можно прочесть: “Посмотреть список членов и кандидатов в члены ЦК... вывести Маленкова, Жукова...”. Что касается маршала Жукова, здесь всё понятно: это сделать приказал Сталин. А про Маленкова вождь ничего не говорил. Это Андрей Александрович решил сделать сам, что называется, под сурдинку. И в таком виде подал проект постановления Пленума вождю. Но вышла осечка, по поводу Жукова Сталин поручил Жданову сделать специальное выступление (что Андрей Александрович и выполнил на Пленуме), а фамилию Маленкова в список членов ЦК молча, ничего не объясняя, самолично вписал. Жданов всё понял.

Понял всё и Маленков. И запомнил, и, как показала дальнейшая практика, не простил²⁰.

Но всё это будет потом. А пока шёл 1946 год, и звезда Жданова всё ещё находилась на траектории подъёма, чем он и воспользовался в полной мере.

Инструментом укрепления политического веса “ленинградцев” стали инициированные Ждановым так называемые “суды чести”. По замыслу Жданова, эта мера должны была стать инструментом его влияния на центральный государственный и партийный аппарат. Оценил последствия этой идеи и Генсек, который к этому времени уже начал поиски мер для снижения в глазах общественности и народа непомерно раздутого, как он считал, авторитета Г. К. Жукова, которого в СМИ даже начали величать “маршалом Победы”. Поэтому Сталин энергично поддержал идею своего первого заместителя (А. Жданова) о введении так называемых “судов чести” и вместе с ним подписал Постановление Совета Министров СССР и ЦК ВКП(б) об организации таких “судов”.

Главную роль в организации этих судов Сталин отвёл Алексею Кузнецову, который взялся за это дело с огромным энтузиазмом, тут же подключив к организации подчинённый ему аппарат МГБ, объяснив своё рвение следующим образом: “Органы государственной безопасности, — заявил он, — должны усилить чекистскую работу среди нашей советской интеллигенции... мы будем воспитывать интеллигенцию в духе искоренения низкопоклонства перед иностранцами, будем судить судом чести... А по отношению кое-кого из представителей интеллигенции, уж особо преклоняющихся перед Западом, мы должны будем принять другие меры — чекистские меры”.

Надо отметить, что к этому времени о генерал-лейтенанте Кузнецове давно уже шла нехорошая молва. Алексей Александрович, ещё в 30-е годы, в период так называемого “большого террора”, будучи первым заместителем А. Жданова в Ленинграде, проявил себя с очень нехорошей стороны, постоянно заменяя по собственной инициативе А. Жданова в процессе формирования так называемых “троек НКВД”²¹. В силу своего высочайшего политического положения Андрей Александрович Жданов не мог, естественно, не принимать участие в формировании этих свирепых внесудебных “чекистских троек”, тысячами отправлявших людей под расстрелы, в тюрьмы и концлагеря, но сам себя в эти тройки никогда не включал, уступая эту “почётную должность” своему первому заместителю А. Кузнецову. А тот в буквальном смысле “землю рыл”, чтобы попасть в состав этих троек и постоянно стремился инициативно включать в число жертв всё новых и новых людей. Известны случаи, когда Жданов увещевал своего заместителя умерить пыл в этом отношении. В организации же “судов чести” в сороковые годы Алексей Кузнецов напрямую контактировал не со Ждановым, а со Сталиным, с большим энтузиазмом воспользовался такой большой свободой рук и, как показала дальнейшая практика, совершил немало политических ошибок на этом пути.

В заседаниях этих “судов” принимал участие весь партийный и государственный ареопаг власти, включая и самого Генсека (Сталин, не экономя времени, часами просиживал на заседаниях).

Начали эти “суды” свою работу, что называется, с “пустяков”, с обсуждения промахов в работе руководителей Сельскохозяйственной академии, Министерства геологии, Министерства электропромышленности. Прошёл суд чести в Министерстве высшего образования СССР над профессором Сельскохозяйственной академии Жебраком за то, что тот критиковал своего оппонента Лысенко не в советских изданиях, а на страницах американского журнала *Science* и т. д. Но очень быстро руководивший этой работой Алексей Кузнецов уловил личную заинтересованность в работе этих судов вождя и перешёл к более серьёзным вопросам. Через “суды чести” прошёл разгром Министерства авиационной промышленности во главе с министром А. И. Шахуриным и главнокомандования военно-воздушных сил во главе с дважды Героем СССР, Главным маршалом авиации А. А. Новиковым (“дело авиаторов”); в январе 1948 года суд чести был проведён в Министерстве вооружённых сил. Под суд попали недавние высшие руководители ВМФ – адмиралы Н. Г. Кузнецов, Л. М. Галлер, В. А. Алафузов, Г. А. Степанов. Выправляя работу этого органа в нужном ему направлении, Сталин постепенно выводил дело к тому, чтобы убрать из высшего руководства страны маршала Г. К. Жукова. И как только добился этого, работа “судов чести” стала постепенно затухать.

Надо отметить, что А. Кузнецов настолько увлёкся этой работой, что не заметил, как перегнул палку. В конце 1947 года под удар “суда чести” попал побочный сын Сталина, Константин Сергеевич Кузаков. Он родился от связи Сталина во время вологодской ссылки с молодой вдовой Матрёной Кузаковой и был записан на имя мужа, умершего за два года до рождения младенца. После революции Сталин помогал им. По воле судьбы их пути пересеклись. Константин Кузаков стал заместителем начальника Управления пропаганды и агитации Александрова, чиновника, очень близкого к Г. Маленкову. Обвинял Кузакова почему-то секретарь ЦК А. Кузнецов. **29 сентября на собрании работников аппарата на Старой площади в присутствии Сталина Кузнецов выступил с разгромным докладом в отношении вообще чуть не всего маленковского Управления пропаганды и агитации, а акцент сосредоточил на сыне Сталина. Говоря о борьбе с антипатриотизмом, он вспомнил закрытые письма ЦК от 1935 года – “Уроки событий, связанных с злодейским убийством товарища Кирова” и “О террористической деятельности троцкистско-зиновьевского революционного блока”, а также другие документы, посвящённые “революционной бдительности”.** Кузнецов подчеркнул, что “главной задачей в подрывной деятельности против нашей страны иностранная разведка ставит, прежде всего, обработку отдельных наших неустойчивых работников”. Он привёл много соответствующих примеров, и основной удар был нанесён по Александрову и другим руководителям УПиА. Ключевой фигурой в докладе стал бывший заместитель заведующего отделом УПиА, директор государственного издательства иностранной литературы Б. Л. Сучков, которого обвинили

в передаче американцам атомных секретов, а также сведений о голоде в Молдавии. Кроме того, попытавшись помочь бывшему однокурснику Льву Копелеву, осуждённому на 10 лет заключения за “контрреволюционную деятельность”, Сучков написал в его защиту письмо в прокуратуру. Из прокуратуры письмо переслали в ЦК Маленкову, где в аппарате дело было замято. Испуганный Сучков советовался с Кузаковым, не следует ли ему написать покаянное объяснение. Тот советовал подождать, не раскрываться, то есть стал соучастником.

Сталин доклад Кузнецова выслушал молча и не стал вмешиваться в дальнейшие события. 23-24 октября 1947 года “суд чести” рассмотрел дело об антипартийных поступках бывшего заведующего отделом кадров УПиА М. И. Щербакова и бывшего замначальника УПиА Кузакова, обвинённых в потере политической бдительности и чувства ответственности за порученную работу в связи с разоблачением Б. Л. Сучкова, которого они рекомендовали в аппарат ЦК. Им объявили общественный выговор. Решением Секретариата ЦК они были исключены из партии. Сучкова приговорили к заключению и освободили только в 1955 году. Возможно, Кузакова тоже арестовали бы, но Сталин не позволил. В дальнейшем сын вождя работал на киностудии “Мосфильм” и на Центральном телевидении СССР главным редактором Главной редакции литературно-драматических программ. Но отец и сын так никогда и не поговорили друг с другом. Попутно стоит заметить, что если о Константине Кузакове Сталин знал и признал его своим сыном, то второго внебрачного сына (родился в 1914 году от Лидии Перепрыгиной в Курейке Туруханского края) он никогда не вспоминал. Только в 1956 году председатель КГБ СССР Иван Серов сообщил Хрущёву, что внебрачный сын Сталина Александр Давыдов (фамилия отчима) служит в армии в звании майора”.

Вообще-то политическая наивность А. Кузнецова в этом эпизоде поражает. Судя по его поведению, он даже не подозревал, что наносит смертельно обидный удар сразу по двум людям, делая их своими смертельными врагами, – Маленкову и Сталину.

Возможно, эти и другие обстоятельства повлияли на то, что кампания по развёртыванию “судов чести” шла с большим скрипом, а потом и вовсе сошла на нет. А Кузнецову “суд чести” над Кузаковым потом аукнулся в 1950 году, когда Сталин редакторски правил проект обвинительного приговора центральной группе “ленинградцев”.

Между тем, Жданов продолжал наращивать свою, выражаясь словами Алексея Волынца, “кадровую революцию”.

В результате плотных проговоров со Сталиным и обсуждения этой темы с секретарём ЦК по кадрам А. Кузнецовым 2 августа 1946 года Андрей Александрович проводит решение ЦК ВКП(б) “О подготовке и переподготовке руководящих партийных и советских работников”. В епархии А. Кузнецова – в Управлении кадров ЦК – вместо существовавшей Школы парторганизаторов была создана Высшая партийная школа, где должны были готовить руководителей не только для региональных партийных организаций – ЦК компартий союзных республик, обкомов и крайкомов, – но и для аппарата советских организаций. Здесь же должны были готовить партийных пропагандистов и редакторов местных газет и радио. С этой целью в ВПШ были созданы два факультета с трёхлетним сроком обучения – советский и партийный.

Отбор кандидатур в ВПШ был довольно жёсткий: в неё принимались только лица, имеющие за плечами законченное среднее образование и опыт работы секретарями или руководителями отделов обкомов партии, исполкомов областных Советов депутатов, ответственных сотрудников министерств, ведомств, руководящих сотрудников республиканских и областных газет. На каждом курсе обоих факультетов должно было обучаться по 300 человек. То есть по мере раскрутки в ВПШ должно было одновременно обучаться около 1800 человек, а ежегодный выпуск руководящих работников составлял 600 человек плюс выпуск всевозможных девятимесячных курсов переподготовки кадров. Под эгидой ВПШ на местах создавались местные двухгодичные партшколы, при которых формировались шестимесячные курсы переподготовки местных руководящих кадров. Окончившим эту новую ВПШ выдавался диплом государственного образца о высшем образовании с соответствующим нагрудным знаком (так называемый “поплавок”), а само образование

официально приравнялось к окончанию исторического факультета педагогических вузов.

Не был Ждановым забыт и вопрос о подготовке теоретических кадров партии. Этим же постановлением ЦК при Управлении пропаганды и агитации ЦК, которое курировал Жданов, для подготовки высших теоретических кадров партии была создана Академия общественных наук, а в Вооружённых Силах – Военно-политическая академия, её возглавил ещё один “ленинградец”, генерал-майор Алексей Ковалевский, который в 1941 году работал вместе со Ждановым в Военном Совете Северо-Западного фронта.

Как пишет А. Волынец, Жданов планировал в ближайшие годы провести через эти вновь создаваемые структуры “весь руководящий аппарат партии”. Так, в постановлении ЦК подчёркивалось, что в течение ближайших трёх-четырёх лет в стране должен был быть полностью сменён весь управленческий слой общества.

Если бы всё в этом плане пошло, как было задумано, то начиная с 1949 года (первого выпуска новой ВПШ) в СССР началась бы полная смена руководящего партийного и советского аппарата страны под контролем Жданова и Кузнецова.

Но всё пошло не так: 31 августа 1948 на Валдае А. Жданов от инфаркта завершает свой жизненный путь, а через 25 месяцев, 1 октября 1950 года, по так называемому “Ленинградскому делу” были расстреляны А. А. Кузнецов, Н. Вознесенский, М. Родионов и другие.

5. Социальное государство Жданова и Вознесенского

Между тем, к концу 1947 года ситуация в верхних эшелонах власти в СССР стала радикально меняться. Выражаясь современным языком, сталинский политический режим пришёл в точку бифуркации, когда система власти уже не может пребывать в прежнем состоянии и находится либо под угрозой распада на отдельные фрагменты, либо вынуждена меняться, чтобы сохранить свою целостность. Ни того, ни другого выхода из создавшегося состояния не просматривалось.

Колоссальное напряжение военных лет исчерпало, в основном, интеллектуальные и психологические возможности вождя. Осенью 1945 года он пережил вначале микроинсульт, а следом и микроинфаркт и был вынужден взять на несколько месяцев отпуск, уехав на юг, оставив в Москве вместо себя вначале “четвёрку”, потом “пятёрку”, а потом присоединил к ним Николая Вознесенского. Но атмосфера диктатуры “Хозяина”, созданная им в предыдущие годы, приводила к тому, что с проблемами управления страной не справлялись ни “пятёрка”, ни “шестёрка”. Победивший гитлеровскую Германию народ ожидал от власти ослабления давления на материальные условия своего существования, а власть не умела (и не хотела) адекватно отвечать на эти чаяния. И сам Сталин, и его ближайшие сподвижники в своих действиях продолжали руководствоваться нормами военного времени: народ обязан терпеть любые лишения во имя победы над внешним врагом, место которого к 1947 году вместо гитлеровской Германии заняли США. В таких вот условиях Генсек приходит к выводу, что пришло время задуматься о том, кто может сохранить созданное им государство после его смерти.

В хранящихся в РГАНИ (бывший совершенно секретный архив ЦК КПСС) направленных мемуарах Хрущёва, а потом и в мемуарах А. Микояна содержатся глухие упоминания (других источников на этот счёт, к сожалению, нет) о сомнениях со стороны вождя: “Вот придёт время, и я уйду, как вы будете управлять страной без меня?! Вас же передуют, как котят!”

Анастас Микоян вспоминает, что именно в этот период во время одного неформального ужина на Ближней даче Сталина, сопровождавшегося небольшим возлиянием спиртного, вождь вслед за восклицанием о том, что власть нужно оставить более молодым, прямо сказал, что партийные дела он считает возможным оставить после себя Алексею Кузнецову, а с правительством может справиться Николай Вознесенский. И Хрущёв, и Микоян вспоминают, что присутствовавшие при этом Молотов, Берия, Хрущёв, Микоян, Жданов сопроводили эту реплику Генсека грубоватым молчанием. Анастас Иванович единственный пишет, что они все и так были уверены, что Сталину и должен наследовать русский член Политбюро, однако никто не ожидал от Сталина

столь неожиданной, ошеломляющей эскапады. Но, как следует из мемуаров, всё близкое окружение Сталина в этот момент поняло, что политическая ситуация в верхах власти в стране враз поменялась в этот момент самым кардинальным образом: СССР вступил в послесталинскую эпоху.

Многие нынешние историки считают эту фразу Сталина о своих наследниках (сознательно оставляю это слово без кавычек) тонко рассчитанной политической провокацией. Дескать, Генсек сознательно вбросил эту информацию в среду своего ближайшего политического окружения с тем, чтобы стравить всех и вся друг с другом и тем обезопасить себя от возможного заговора против себя самого. Я не исключаю правомерности такого толкования. Однако мне эта картина представляется по-другому.

Я склоняюсь к выводу, что Сталин в приведённой выше озабоченности о том, кому именно он может оставить после себя созданную им страну, был искренен.

Так это было или иначе, но вопрос о своём наследнике Генсек поставил в повестку дня сам. А ответа на этот вопрос у него не оказалось.

В этих условиях Жданов поднял вопрос о созыве партийного съезда. Его сын Юрий Андреевич (1919–2006) в своих мемуарах рассказал, со слов отца, как это случилось.

В самом конце 1946 года на квартире Сталина собрался узкий круг Политбюро, на котором был поднят вопрос о партийном съезде. “Анализируя итоги прошедшей войны, – пишет Юрий Жданов, – в узком кругу членов Политбюро Сталин неожиданно сказал: “Война показала, что в стране не было столько внутренних врагов, как нам докладывали и как мы считали. Многие пострадали напрасно. Народ должен был бы нас за это прогнать. Коленом под зад. Надо покаяться”. Наступившую тишину нарушил отец:

– Мы, вопреки уставу, давно не собирали съезда партии. Надо это сделать и обсудить проблемы нашего развития, нашей истории.

Отца поддержал Н. А. Вознесенский, остальные промолчали. Сталин махнул рукой:

– Партия... Что партия... Она превратилась в хор псаломщиков, отряд аллилуйщиков... Необходим предварительный глубокий анализ...

Вернувшись домой и рассказав о случившемся матери, отец вздохнул: “Не дадут”...

Нет оснований в целом подвергать сомнению этот мемуарный пассаж. Но нужно, конечно, учитывать, что в данном случае речь идёт исключительно о внешней канве этого дела. Что же касается сути дела, то у меня после многолетней работы в архивах с документами тех лет сложилось твёрдое мнение, что очень тесно в этот период работавший с Генсеком Жданов мог озвучить мысль о необходимости скорейшего созыва партийного съезда только в одном случае – если эта мысль принадлежала лично Генсеку. В одной из своих книг о Сталине я однажды написал: “Сам Генсек был человеком очень скрытным и осторожным. Он всю жизнь предпочитал, чтобы его настоящие мысли угадывали и преподносили ему другие. А он бы выступал в роли редактора этих мыслей. Никого этой манерой обманывать, конечно, не удавалось. А те, кто обманывался на этот счёт, долго не жили”. Думаю, что примерно так было и в этот раз.

Короче, высказанную Ждановым идею о съезде Сталин энергично поддержал. Более того, не успело ещё ближайшее окружение Сталина осмыслить новую политическую конъюнктуру, как 7 января 1947 года Сталин собирает Политбюро ЦК в полном составе, что в последние годы не происходило никогда, и принимается решение: созвать Пленум ЦК ВКП(б) 21 февраля 1947 года. Определили и темы для обсуждения на Пленуме.

1. О программной Комиссии
2. Обсуждение Устава ВКП(б)
3. О созыве XIX съезда ВКП(б)

В последний момент Сталин по одному ему известным соображениям предложил в повестку дня работы Пленума включить ещё и четвёртый пункт: “Вопросы подъёма сельского хозяйства (докладчик т. Андреев)”²².

Пленум в назначенное время был созван и работал всю рабочую неделю, а 26 февраля постановил создать в составе 25 человек Комиссию по подготовке Программы и Устава ВКП(б). Председателем Комиссии был назначен Жданов А. А., заместителем – Кузнецов А. А.

Но что-то уже стало изменяться во взаимоотношениях Генсека и его первого заместителя, в состав Комиссии по предложению Сталина дополнительно ввели Маленкова (впервые после “дела авиаторов” фамилия Маленкова появилась в официальном партийном документе), Хрущёва, а также Александрова, Федосеева, Иовчука, Куусинена. В состав Комиссии Жданов включил и первого секретаря Ленинградского обкома и горкома ВКП(б) П. С. Попкова.

В этой связи следует отметить два момента. “Ленинградцы” в Комиссии играли первую скрипку (Жданов, Кузнецов, Попков), но в её составе отсутствовал кандидат в члены Политбюро, заместитель председателя Совмина СССР, председатель Госплана СССР, академик АН СССР Н. А. Вознесенский.

Нелишне отметить, что вопрос об изменении Программы партии не был таким уж неожиданным. В марте 1939 года Пленум ЦК ВКП(б) уже ставил вопрос об изменении Программы партии. Тогда тоже была создана соответствующая Комиссия, в которую вошли Жданов, Вознесенский и другие. Но ту Комиссию возглавлял лично Сталин. В 1947 году Генсек доверил эту работу Жданову.

Судя по всему, в феврале 1947 года Сталин ещё не был готов к предметному разговору по Программе партии, но вопрос этот не упускал из виду и вскоре же вернулся к нему.

Заседание Политбюро, посвящённое подготовке текста новой партийной Программы, состоялось 15 июля 1947 года. Вёл заседание Сталин. Если на январском заседании по Программе он практически хранил молчание, предоставив говорить Жданову, то в июле вождь выступил с большой речью. Комиссии, сказал он, в своей работе по подготовке текста Программы следует исходить из следующих соображений: Программа должна состоять из двух частей:

а) из общей части, где должны быть даны, во-первых, оценка победы Великой Октябрьской социалистической революции с точки зрения исторического развития человечества и, во-вторых, должен быть дан анализ нынешней международной обстановки. В-третьих, должны быть даны итоги достижений Советского общества к настоящему времени по всем линиям;

б) вторая часть должна была носить практически-политический характер, где должны быть сформулированы основные задачи партии с точки зрения развития Советского общества к коммунизму в разрезе 20–30 лет.

*Комиссия, добавил Сталин, имеет право выдвинуть другую схему Программы, если она считает изложенную схему недостаточной или неправильной*²³.

Таким образом, Жданову Сталиным был дан карт-бланш. Более того, Сталин торопил его: на вышеупомянутом заседании Политбюро было записано, что первый доклад Комиссии по разработке Программы ВКП(б) должен быть представлен уже через две недели.

Проект Программы партии, написанный под непосредственным руководством Жданова, Н. Вознесенского и А. Кузнецова (в редактировании окончательной редакции приняли участие П. Н. Федосеев, М. Б. Митин, Л. А. Леонтьев, Д. Т. Шепилов), в августе 1947-го был представлен Сталину и был им с порога отвергнут²⁴.

Этот проект, как теперь ясно видно, представляет большой интерес не только с исторической точки зрения, но и с позиций сегодняшнего дня: в этом тексте был трассирован путь развития советского общества до конца 1980-х годов.

Крайне интересно, что одновременно с этим Жданов (уже по собственной инициативе) представил вождю не только текст проекта партийной Программы, но и ещё один документ, над которым в течение нескольких месяцев работали ведущие работники Госплана СССР во главе с Н. Вознесенским. Если проект Программы охватывал период развития СССР до 1976 года, то “Генеральный план хозяйственного развития СССР” – до 1985 года.

Начать, по-видимому, надо всё же с проекта партийной Программы, поскольку, похоже, именно заложенные в ней идеи, в конечном итоге, так напугали Сталина, что спустя полтора года после смерти Жданова вождь в ходе “Ленинградского дела” пришёл к выводу, что на перевоспитание оставшихся после Жданова членов его команды у него времени может не хватить, и решение было принято кардинальное: сторонников этих идей уничтожить физически.

На заседании Политбюро 15 июля 1947 года, которое вёл сам Сталин и где он произнёс довольно большую речь, он всю эту речь посвятил **технологии** написания Программы и ни словом не обмолвился **о её содержании**. Более того, в протоколе Постановления приказал записать фразу, которую никак иначе невозможно было истолковать, как только так: пишите, что хотите, а я потом посмотрю.

В конце концов, ведь не случайно Сталин после прочтения этих документов не только не утвердил их, но упрятал в архивы так глубоко, что конечного варианта этих документов больше не увидел никто, включая и тех, кто участвовал в редактировании всех черновых вариантов. Во всяком случае, упомянутые выше академики Федосеев и Митин спустя 37 лет в беседах со мной говорили, что окончательного варианта Программы (после правки его Ждановым и Вознесенским) они не видели. А сам Сталин, выступив в 1952 году со своей брошюрой “Экономические проблемы социализма”, камня на камне не оставил от идей, сформулированных Ждановым и Вознесенским.

Можно высказать предположение, что произнесённая Сталиным 15 июля на заседании Политбюро фраза, которую Генсек счёл необходимым даже зафиксировать в пункте 48 протокола заседания Политбюро 15 июля 1947 года (“Комиссия имеет право выдвинуть другую схему Программы, если она считает изложенную схему недостаточной или неправильной”, а ведь схему-то эту изложил не кто иной, как сам Генсек!), носила знаковый характер. Может быть, именно по этой причине Генсек в 1947 году и не согласился возглавить Комиссию по подготовке Программы партии, а доверил это председательство Жданову, что не захотел связывать себе руки именно по “русскому вопросу”?

Похоже на то, что всё именно так и было. Под руководством Жданова, Кузнецова и Н. Вознесенского был подготовлен такой проект Программы ВКП(б), в котором если не центральное место, то близко к этому занимала, как пишет А. Волынец, “новация в определении места и роли русской нации в СССР” в трактовке её государствообразующей роли²⁵.

Что же такого написали Жданов и Вознесенский в своём проекте партийной Программы?

Первое – и главное! – проект ждановской Программы возвещал: “Всесоюзная Коммунистическая партия (большевиков) ставит своей целью в течение ближайших 20–30 лет построить в СССР **коммунистическое общество**”, то есть построить такое общество к 1980 году.

Обозначалось и направление этого движения. “Развитие социалистической демократии на основе завершения построения бесклассового социалистического общества, – говорилось в проекте Программы, – будет всё больше превращать пролетарскую диктатуру в диктатуру советского народа. По мере вовлечения в повседневное управление делами государства поголовно всего населения, роста его коммунистической сознательности и культурности, развитие социалистической демократии будет вести к всё большему отмиранию принудительных форм диктатуры советского народа, все большей замене мер принуждения воздействием общественного мнения, к всё большему сужению политических функций государства, к превращению его по преимуществу в орган управления хозяйственной жизнью общества”.

В проекте Программы “красной тряпкой для быка” было не только приращение характера политического фактора “общественному мнению”, что вождь и на дух не принимал, но и была сформулирована мысль о всенародных голосованиях “по большинству важнейших вопросов государственной жизни как общеполитического, хозяйственного порядка, так и по вопросам быта и культурного строительства”. Причём предполагалось, что граждане и общественные организации должны получить право законодательной инициативы не только по вопросам внутренней, но и по вопросам внешней политики.

Сформулированы положения о принципе выборности руководителей всех рангов, ограничении сроков их пребывания во власти и альтернативности кандидатов при выборах.

В связи с созданием текста проекта партийной Программы Жданов и Вознесенский “замахнулись” и на то, что одновременно с Программой партии и в соответствии с заложенными в ней идеями необходимо будет разработать и новую Конституцию СССР с упором на развитие идеи **самоуправления в хозяйственной и общественной жизни**, предоставления **больших** прав местным

советам и *гарантий развития мелкого частного хозяйства на селе и кустарного (частного!) сектора в городах.*

Ну и, наконец, одно из самых главных положений проекта Программы: роль русского народа в продвижении советского общества к коммунизму. Жданов с Вознесенским словно бы забыли о прецеденте 1944 года и записали в тексте положение о “ведущей роли русского народа в борьбе за социализм”. Генсек оставил свои карандашные заметы на многих абзацах текста, а этот комментировать на стал, отправив его в архив.

Между тем, Сталин получил от Жданова не только проект партийной Программы, но и текст “Генерального хозяйственного плана развития СССР на 1946–1965 годы”, подготовленный специалистами Госплана СССР во главе с Н. А. Вознесенским. Этот проект был ещё более потрясающим воображение. Настолько, что Сталин, вопреки своей привычке писать на полях свои замечания, не оставил на этом тексте ни одной пометы.

А возражать, с точки зрения Сталина, было чему.

Первое, и главное, на что был нацелен Генеральный план, заключалось в том, что русский народ (именно русский, живущий в РСФСР) после тягот военной поры заслужил человеческие условия своего существования, а для этого Вознесенский, в полном согласии с позицией Жданова, заложил в Генеральный план хозяйственного развития *опережающие темпы* роста отраслей промышленности группы “Б” (средства производства для лёгкой промышленности) по сравнению с отраслями промышленности группы “А” (средства производства для тяжёлой индустрии). (Обращаю внимание: только темпы. В целом пропорции на опережение роста второй по сравнению с первой оставались в Плате незыблемыми.)

В принципе Жданов и Вознесенский с активной поддержкой ещё одного “ленинградца” — заместителя председателя Совмина СССР, председателя Бюро по торговле и лёгкой промышленности при Совмине СССР, Косыгина А. Н. — здесь не входили в противоречие с вождём. Сталин 9 февраля 1946 года в своём первом после войны публичном выступлении перед избирателями хоть и сквозь зубы, но всё же обозначил эту тему (4,5 строчки из 588), сказав, что материальный уровень жизни народа необходимо повышать и для этой цели следует развёртывать производство товаров народного потребления.

Нынешние исследователи отмечают негативный тренд сталинской политики как раз в этой сфере. “После войны заработная плата рабочих заводов снизилась в связи с сокращением трудовой недели и прекращением сверхурочных работ. Среднемесячная зарплата рабочих на заводах и предприятиях Москвы, составляющая в мае 1945 г. 680 руб., снизилась до 480 руб. (то есть на 40 с лишним процентов. — **Вл. К.**). На отдельных предприятиях сокращение оплаты труда было ещё больше, примерно в 1,5–2 раза. Зарботки уборщиц, вахтёров, исполнителей и других не менялись с 1937 г. и были на уровне 200 руб. в месяц. Минимальная заработная плата, не облагавшаяся налогами, составляла 150 руб. Значительную часть зарплаты отнимали налоги и государственные займы. Так, из заработка в 200 рублей изымалось 67 руб. А на некоторых крупных заводах тяжёлой промышленности средний размер зарплаты составлял за отдельные месяцы 65% от начисленного заработка, а 35% удерживалось по Госзайму. Крупных размеров достигали удержания из заработной платы за сделанный брак. Иногда рабочие в течение нескольких месяцев оставались должниками заводов”²⁶.

В ещё более тяжёлом положении сталинская система удерживала труженников деревни. Специальными государственными постановлениями (например, постановление правительства от 31 мая 1947 года) “практика военных лет, установившая повышенный минимум трудодней и судебную ответственность за его невыполнение, была сохранена и в последующие годы”²⁷. Одновременно выросли налоги на приусадебные участки. В 1946 году Совет Министров СССР принял два постановления, восстанавливающие закон от 7 августа 1932 года, карающий за хищение колхозного и кооперативного имущества 10 годами тюрьмы или расстрелом. Крестьяне стонали, в Москву потоком шли жалобы. В 1947–1950 годах в Совет по делам колхозов при Совете Министров СССР поступило 92 795 жалоб от колхозников и было принято 3 305 так называемых “ходоков”, которые добивались личного приёма у чиновников. Но в ответ, как пишут названные выше авторы, Москва “приняла решение о повышении налогов на личные крестьянские хозяйства”.

Народ протестовал, как мог. Даже на первичных партийных собраниях в центральных российских областях доведённые до отчаяния члены ВКП(б) говорили: “Мы видим собственными глазами, что в нашей стране построено много заводов и фабрик. Всё это верно, но мы, старики, что от этого получили? Что нам дала Конституция? 250 грамм хлеба и больше ничего”. В Ленинградской области на выборах в Верховный Совет РСФСР в 1946 году на некоторых бюллетенях были обнаружены надписи: “Долой принудительный труд!”, “Да здравствует свобода слова и печати!”, “Долой крепостное право коммунистов!” А в Молдавской ССР агитаторов во время избирательной кампании 1946 года напрямую и вслух спрашивали: “Когда народ будут кормить досыта?” и т. д.²⁸.

Но главное в Генеральном плане развития до 1980 года заключалось не только в новом подходе к пропорции между развитием промышленности по группам “А” и “Б” (хотя Сталину не понравилось и это, и в октябре 1952 года он в своей работе “Экономические проблемы социализма в СССР” не оставил камня на камне от этого тезиса Вознесенского и Жданова). Главное было в том, что Вознесенский в своём Генеральном плане развития сделал особый **акцент на широком развитии в СССР товарно-денежных отношений**, сформулировал **необходимость расширения товарооборота между городом и деревней, между районами и областями, между различными отраслями народного хозяйства и между хозяйствующими субъектами, необходимость конкурентных отношений в торговой системе, зафиксировал необходимость перестройки планирования и укрепления экономических рычагов организации производства и распределения – денег, цены, кредита, прибыли, премии, поставив в прямую зависимость от всех этих инструментов экономического развития подьём благосостояния советских людей.**

Вот уж этого Сталин стерпеть не мог никак.

Летом 2013 года в беседах со мной Лев Александрович Вознесенский, сын расстрелянного в октябре 1950 года министра образования РСФСР Александра Алексеевича Вознесенского, рассказывал, что в 1949 году Сталин, прочитав “Генеральный план развития СССР до 1965 года”, много времени провёл в беседах с Николаем Алексеевичем Вознесенским (вызывая его в кремлёвский кабинет и в длительных пеших прогулках на Ближней даче). Николай Алексеевич в это время (за несколько месяцев перед арестом) много и упорно работал над своим главным, как он говорил, трудом – 850-страничной “Политической экономией коммунизма” и охотно делился со Сталиным своими мыслями по поводу этой работы.

При аресте Вознесенского в 1949 году рукопись главного труда Вознесенского была арестована и, как говорят, уничтожена.

Сейчас можно высказать предположение, что, похоже, именно в ходе этих бесед у Сталина родился замысел его брошюры “Экономические проблемы социализма в СССР”. Как и то, что весь текст этого сталинского труда был полемикой с проектом Программы ВКП(б), созданной Ждановым и Вознесенским, и с идеями, заложенными в Генеральном плане развития.

Так, категорически не согласившись с мыслями “ленинградцев” о постепенном отмирании директивных функций государства, Генсек выдвинул прямо противоположное положение об усилении значения государственной власти в ходе построения коммунизма.

Со временем, писал в этой работе Генсек, мы должны прийти к такому положению, когда всю экономику будет охватывать “государственный сектор” как “единый общенародный (выделено Сталиным. – **Вл. К.**) хозяйственный орган” “с правом сначала учёта всей потребительской продукции страны, а с течением времени – также распределения продукции в порядке, скажем, продуктообмена”²⁹. В социализме, писал Генсек, разумеется, всё ещё действует закон стоимости, в сфере “обмена товаров через куплю-продажу”, но только “в известных пределах, сохраняя за собой, конечно, роль регулятора, но только в сфере “товаров личного потребления”. Но со временем, “с исчезновением товарного производства исчезнут и стоимость с её формами, и закон стоимости”, а количество труда, затраченного на производство продуктов, будет измеряться не окольным путём, не через посредство стоимости и её форм, как это бывает при товарном производстве, а прямо и непосредственно – количеством времени, количеством часов, израсходованных на производство продуктов”³⁰.

У тех, кому довелось прочитать в архивах уничтоженные после “Ленинградского дела” материалы по подготовке в 1947 году XIX съезда ВКП(б), не вызывает сомнения, что вождь в своих “Экономических проблемах” полемизировал именно с Николаем Вознесенским.

Но всё это будет много позже, уже после того, как Жданов умрёт на Валдае от инфаркта, а Н. Вознесенский со товарищи в 2 часа ночи 1 октября 1950 года будет расстрелян, и тела их будут закопаны в безымянной яме на Левашовской пустыни под Ленинградом.

Завершался проект Генерального плана развития экономики СССР предположением его авторов, что к 1980 году станет возможным “одну треть потребляемого народного дохода распределить по потребностям”. В частности, бесплатными могут стать хлеб и картофель, а затем, по прошествии времени, и “почти все” продукты питания. Бесплатным должно было также стать обслуживание граждан “первоклассно поставленными по всем правилам техники и культуры столовыми, прачечными и другими культурно-бытовыми учреждениями”. Жилищное строительство должно было “обеспечить каждому трудящемуся отдельную благоустроенную комнату”, а каждой семье – отдельную квартиру. Коммунальные услуги должны были со временем стать полностью бесплатными. Кроме того, имелось в виду “предоставить каждому гражданину возможность пользоваться легковым автомобильным транспортом”.

На первый взгляд, всё это выглядит какой-то утопией, фантастическими мечтами, а ведь этот документ писали не журналисты и философы, а работники Госплана СССР!

Между тем, не такая уж это утопия. Как теперь, спустя почти 70 лет после расстрела “ленинградцев”, выясняется, Жданов и Вознесенский в 1947-1948 годах гениально уловили общемировую тенденцию формирования цивилизованного социального государства. Проявилась эта тенденция в том, что осенью 2015 года швейцарское правительство, а вслед за ним и парламентарии выступили с инициативой ежемесячно выплачивать своим гражданам (всем и каждому!) по 2 500 франков (2 250 евро), отменив при этом донельзя запутанную систему социальных льгот. 125 тысяч швейцарских граждан эту инициативу поддержали, и федеральное правительство приняло решение 5 июня 2016 года провести по этому поводу всенародный референдум.

Казалось бы, швейцарцы, как говорят у нас, что называется, “с жиру бессятся”. Ан нет! Эта идея набирает всё большую популярность и в других странах – в Финляндии, Нидерландах, Норвегии, Канаде, Швеции, Дании, Исландии. Мнения экспертов по оценке такого шага разнятся, но тенденция набирает всё большую популярность. Дело в том, что правительства развитых в экономическом отношении стран, идущих по пути построения социального государства, во всё большей степени запутываются в чрезвычайно расширенной, разветвлённой сетке социальных выплат и льгот и постепенно приходят к выводу, что экономичнее выплачивать определённые суммы в виде гарантированных ежемесячных выплат, проще в организационном отношении и с точки зрения сокращения государственного бюрократического чиновничьего аппарата³¹.

Разумеется, “просвещённая” Европа и знать не знала, что за 60 лет до её нынешних поисков наиболее эффективных форм в построении социального государства в концептуальном плане эти поиски уже шли в России. Об этом незнании тщательно позаботился Генеральный секретарь, расстреляв авторов этих идей и глубоко в архивы запрятав их наработки.

Вот только самого-то Сталина в истории с “ленинградцами” интересовало совершенно иное, а именно, выражаясь современным политическим слоганом, – какой политический дискурс будет в большей степени способствовать (если не сказать больше – гарантировать) укреплению созданного им, Сталиным, политического режима – **национальный – с опорой на русский народ – или советский**, при котором четверть населения СССР в составе союзных республик как жила 30 лет за счёт создаваемого на территории РСФСР прибавочного продукта и интеллектуального потенциала, так и будет продолжать это делать.

Поэтому Сталина пугали не только настроения у “ждановцев”, но и глубина и настойчивость в проявлении этих настроений.

Жданов ведь открыто записал в проекте новой партийной Программы: “Особо выдающуюся роль в семье советских народов играл и играет великий

русский народ... <который> по праву занимает руководящее положение в советском содружестве наций... Русский рабочий класс и русское крестьянство под руководством ВКП(б) дали всем народам мира образцы борьбы за освобождение человека от эксплуатации, за победу социалистического строя, за полное раскрепощение ранее угнетённых национальностей”.

В развитие и углубление этой мысли в проекте Программы подчёркивалась и особая роль русской культуры как самой передовой из культур составляющих СССР народов – в ждановской формулировке это звучало так: “ВКП(б) будет всячески поощрять изучение русской культуры и русского языка всеми народами СССР”.

По-видимому, в голове Сталина все эти моменты накапливались, а результатом стало то, что, в конечном итоге, вождь отклонил все наработанные “группой” Жданова подготовительные материалы к созыву XIX съезда ВКП(б) в 1947 году, отправил их в архив, а потом отказался и от самой идеи созыва партийного съезда, согласившись на его проведение уже после расправы с “ленинградцами” в 1952 году.

Собственно говоря, именно с категорического отклонения вождём материалов по подготовке к XIX съезду партии у Сталина и обозначилось угасание интереса к русской теме.

Интересы вождя и его заместителя по Секретариату ЦК стали всё больше расходиться по разные стороны выстраиваемой Сталиным идеологической баррикады. Вождь, авторитет которого в этот промежуток времени становился абсолютным, всё больше склонялся к тому, что в строительстве социалистического общества в СССР на первое место следует выдвигать не русский национальный фактор, а советский.

Совершенно неожиданно на стороне “ленинградцев”, объективно и совершенно автономно и самостоятельно, выступил крупнейший учёный-международник, пользующийся большим авторитетом не только в СССР, но и за рубежом.

В глазах вождя в это время большим авторитетом пользовался, и заслуженно, академик Евгений Варга (1879–1964). Будучи директором созданного им Института мирового хозяйства и мировой политики АН СССР, Варга занимал должность академика-секретаря Отделения экономики и права АН СССР, был главным редактором целого ряда ведущих научных журналов (“Мировое хозяйство и мировая политика” и др.), экспертом советской делегации на Ялтинской и Потсдамской конференциях в 1945 году.

В 1928 году он предсказал начало “Великой депрессии” в США, а в 1932-м, когда все советские аналитики убеждали Генсека в том, что капитализм вследствие этой депрессии заканчивает своё историческое существование, Варга предсказал, что президент Рузвельт, применив экономическую теорию Джона Мейнарда Кейнса (1883–1946), выведет экономику США из кризиса. В 1946 году, когда СССР уже втягивался в процесс “холодной войны”, и Сталин вернулся к предсказаниям Ленина о том, что противоречия капиталистической системы должны только обостряться, а потому нужно готовиться к тому, что это обострение неизбежно приведёт к войне за новый передел мира, Варга вдруг выступил против этого сталинского тезиса. Учёный публикует книгу “Изменения в экономике капитализма в итоге Второй мировой войны”, где высказал мнение о временном смягчении противоречий в развитии капиталистической системы вследствие использования государства в управлении экономикой теории Кейнса правящими кругами США и других западных стран.

Более того, Варга направляет вождю целую серию специальных записок, где рекомендует Сталину отказаться от идеи насаждения родственных СССР политических режимов в странах Восточной Европы, не вбухивать в их экономики деньги и средства, а сконцентрировать все усилия советского государства на внутреннем экономическом развитии.

По сути, Варга, как и Н. Вознесенский, выступил против линии Маленкова, Берии и других, толкавших Сталина на ужесточение экономического давления на жизненный уровень советских людей, только что вышедших из невероятно тяжких условий войны и справедливо ожидавших от руководства СССР ослабления экономического давления на них.

Но Сталин не захотел принять во внимание основанные на солидном научном анализе прогностические выводы Варги. Более того, очень жёстко

отреагировал на выступление Евгения Самуиловича. Был ликвидирован возглавляемый им с 1925 года Институт мирового хозяйства и мировой политики, а на его месте создан новый Институт экономики Академии наук СССР.

Не прислушался “Великий кормчий” к советам Варги по поводу того, что не стоит взваливать на плечи СССР экономику стран Восточной Европы, как и тратить средства на дармовую поставку вооружений как нашим “социалистическим”, с позволения сказать, соседям, так и “прогрессивным” политическим режимам Азии. А жаль. Пройдут годы и десятилетия, которые с непреклонностью покажут, что Евгений Самуилович Варга был гениально прозорлив, предостерегая Сталина от стратегической ошибки. Не надо было навязывать странам Восточной Европы ту модель существования, которая с грехом пополам доковыляла до 1990-х годов и с грохотом обрушилась, безвозвратно погребая под своими обломками всю ту экономическую и прочую помощь, которую Советский Союз, вытягивая из себя последние жилы, оказывал “братьям по социалистическому лагерю”, лишая собственный народ многих материальных благ. Мало того, что сами мы надорвались, так ещё и в этих пресловутых “странах социалистической ориентации” воспитали враждебную к России интеллигенцию. Я уже не говорю о том, что вся эта экономическая, военная и прочая помощь оказывалась за счёт прибавочного продукта, создаваемого не во всём Советском Союзе, а в основном в самой большой союзной республике – РСФСР – и трудами самого многочисленного народа СССР – русского народа (об этой стороне дела будет сказано ниже).

Между тем, к 1947 году всю эту бешеную нагрузку перестало выдерживать большое сердце Жданова. Дело дошло до того, что в один из июльских дней 1948 года Жданов по дороге в Кремль по вызову Сталина потерял сознание прямо в машине и вместо кабинета вождя оказался в реанимационном отделении Кремлёвской больницы. 5 июля врачи вынесли категорический вердикт: Жданову немедленно нужно предоставить отпуск в доме отдыха средней полосы России минимум на два месяца.

Сталин всю серьёзность положения со здоровьем своего первого заместителя по партии осознал сразу и принял решение предоставить отпуск с 10 июля. Отпуск Жданову Политбюро немедленно предоставило, но перед Генсеком встала трудноразрешимая проблема: оказалось, что второго такого человека, которому бы Сталин доверял безоговорочно, в окружении вождя не было. 5 дней тяжёлых раздумий Сталина закончились тем, что на место Андрея Александровича, кроме Маленкова, выдвинуть оказалось некого. И хоть Маленков летом 1948 года уже стал наступать на пятки Жданову (1 июля 1948 года Сталин вернул ему должность секретаря ЦК и ввёл в состав Орготдела), но полностью заменить Жданова Маленков, в силу своих личных способностей, даже близко не мог. И потому Сталин 5 июля самолично набросал постановление Политбюро “О реорганизации аппарата ЦК ВКП(б)”, в котором многочисленные компетенции Жданова были распределены между пятью секретарями ЦК, и передал эти наброски для выработки окончательного текста постановления Маленкову как уже фактическому наследнику Жданова.

Маленков в точности выполнил волю Сталина и секретарей ЦК перечислил не по алфавиту, а по реальному весу: Жданов (отдел пропаганды и агитации), Маленков (отдел партийных, профсоюзных и комсомольских органов и сельхозотдел), Сулов (отдел внешних сношений), Кузнецов (отдел машиностроения и административный отдел) и Пономаренко (транспортный отдел и планово-финансово-торговый). Ранее почти все эти подразделения курировал Жданов.

Весьма любопытно, что уже 1 июля Маленков, что называется, “почуяв запах крови”, в первоначальном проекте постановления Политбюро от 10 июля предпринял попытку сильно ослабить ждановскую “команду” и ввёл в проект решения пункт, которого в черновиках Сталина не было: “передать отделам ЦК функции по подбору и распределению кадров, осуществляемые ныне Управлением кадров ЦК, а Управление кадров ликвидировать” (Управлением кадров с 1946 года, как известно, командовал А. Кузнецов). Сталин с этим пунктом не согласился и в окончательном тексте постановления Политбюро вычеркнул его³².

Тем не менее, с 10 июля 1948 года многие управленческие функции в партаппарате, которыми до этого момента обладал Жданов, перешли к Маленкову,

и вторым человеком в руководстве партийным аппаратом становится Маленков. А. А. Жданов 12 июля покидает Москву и убывает в двухмесячный отпуск на Валдай, где через 51 день его сердце остановится, а Георгий Максимилианович Маленков немедленно приступит к окончательному наступлению на оставшуюся без защиты своего шефа так называемую “ленинградскую команду”.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

6. Политическая технология Георгия Маленкова. Как начиналось и развивалось так называемое “Ленинградское дело”?

Если судить по текстам обвинительных приговоров, проекту секретного письма Политбюро членам ЦК ВКП(б) под названием “Об антипартийной враждебной группе Кузнецова, Попкова, Родионова, Капустина, Соловьёва и др.” от 12 октября 1949 года, представленному 18 января 1950 года Сталину министром госбезопасности СССР В. Абакумовым, проекту “Обвинительного заключения по делу привлекаемых к уголовной ответственности участников вражеской группы подрывников в партийном и советском аппарате”, “ленинградцам” были предъявлены следующие обвинения.

1. Проведение в Ленинграде без разрешения ЦК ВКП(б) так называемой Всесоюзной оптовой торговой ярмарки по реализации неликвидной потребительской продукции.

2. Фальсификация результатов выборов руководящих партийных органов в ленинградской партийной организации на партийной конференции в декабре 1948 года.

3. Пропажа в Госплане СССР с 1944 по 1948 годы 236 секретных документов, относящихся к планированию народнохозяйственного комплекса страны.

4. Занижение планов хозяйственного развития страны в первом квартале 1949 года.

5. Расхищение крупных государственных средств в целях личного обогащения.

Большинство пишущих о “Ленинградском деле” утверждают, что началось оно с проведения 10–20 января 1949 года в Ленинграде Всероссийской оптовой ярмарки, которую руководители “второй столицы” провели якобы несанкционированно, превратили во всесоюзную и (тоже якобы) тем нанесли многомиллиардный (в рублях) ущерб народному хозяйству страны.

Произведённые мною архивные “раскопки” позволяют прийти к выводу, что это утверждение представляет собой либо добросовестное заблуждение, либо преднамеренную ложь и подтасовку фактов (сторонники этой версии обеими ногами стоят на тезисе “правильно расстреляли”)³³.

К этой пресловутой выставке мы ещё вернёмся, а сейчас следует отметить, что на самом деле всё началось гораздо раньше и совсем не с неё.

Осенью 1948 года в процессе доклада Н. Вознесенским плана экономического развития страны на 1949 год Сталину Генсеку показалось, что план роста промышленного производства первого квартала 1949 года выглядит слишком скромно, и он предложил повесить его на 5%.

В архивных документах не сохранилось следов мотивации этой сталинской интервенции. Думаю, однако, что причина была обыденно простой: Генсек сравнил поквартальные планы роста промышленности и не понял, почему темпы роста первого квартала ниже, чем последнего. Но как нередко бывает в политике, простота этой причины уподобилась тому малому камешку в горах, микроскопическое шевеление которого приводит в движение огромную лавину, которая потом в своём всё возрастающем охвате ломает леса и погребает под собой дома и селения.

Вознесенский, по идее, должен бы был объяснить вождю, что по стародавнему советскому обычаю в декабре люди из кожи лезут, чтобы закрыть год с хорошими показателями, получить свои премии и встретить Новый год с хорошим настроением, а первый квартал следующего года всегда начинается с раскачки и потом всё навёрстывается по ходу дела. Председатель Госплана едва не впервые в плане промышленного развития 1949 года отразил эти реалии, а не дутые цифры, но объяснять это Сталину у него смелости недоста-

ло. С поправкой вождя он согласился, а изменение натуральных показателей в плане оставил “на потом”, по-видимому, рассчитывая сделать это по ходу. Но до сведения подчинённых информацию о сталинской поправке довёл сразу же и приказал пересмотреть цифры первого квартала 1949 года в сторону увеличения.

Сотрудники Вознесенского при доработке плана это учли, и 15 декабря 1948 года три руководящих работника Госплана направили своему шефу записку, в которой сообщали, что в связи с перевыполнением плана 4-го квартала 1948 года имеется возможность изменить плановые натуральные показатели первого квартала следующего года в сторону увеличения на 1,7 млрд рублей. Вознесенский записку прочитал, с предложением согласился и прямо на тексте записки поручил внести соответствующие изменения в план первого квартала 1949 года.

Поручил, но исполнение не проверил. Распоряжение было сделано, но что-то в бюрократической машине Госплана не сработало сразу, и этим люфтом во времени (кстати сказать, очень недолгим) эффективно воспользовался Г. Маленков.

В аппарате Госплана нашлись люди, которые сообщили Маленкову, что председатель Госплана без должного уважения относится к замечаниям, высказываемым товарищем Сталиным, и не выполняет распоряжений вождя по формированию плана экономического развития страны на 1949 год.

Как сообщает главный специалист Государственного архива Российской Федерации О. В. Хлевнюк³⁴, опытный царедворец Маленков сам не стал информировать Сталина о том, что его распоряжение якобы проигнорировано начальником Госплана, а пошёл в атаку на Вознесенского обходным путём.

В начале февраля 1949 года человек Маленкова, первый заместитель председателя Госснаба СССР М. Т. Помазнев, вдруг, ни с того ни с сего направляет на имя Сталина записку о том, что председатель Госплана СССР Н. А. Вознесенский закладывает в годовые планы экономического развития страны заведомо заниженные показатели³⁵. Прямого выхода на Генсека у Помазнева, естественно, не могло быть, и потому записка ложится на стол Маленкову, который тут же отдаёт её Берии, а тот передаёт её Сталину.

Судя по дальнейшим событиям, Сталин сразу же, что называется, “навострил уши”. Генсек назначает комиссию Совмина СССР по проверке этого факта, а во главу комиссии, по совету Берии, ставит Маленкова.

Это был именно тот шаг, которого и добивался Маленков.

А между этими событиями Маленков сделал ещё один судьбоносный для “ленинградцев” шаг. Внешне он был направлен на компрометацию политического руководства Ленинграда и РСФСР, но цель-то была – политически подобраться к главной фигуре – Николаю Александровичу Вознесенскому, которым Сталин готовился заменить Маленкова на посту председателя Совмина СССР.

Речь шла о Всероссийской оптовой ярмарке в Ленинграде.

С этой ярмаркой с самого начала и до самого конца творились чудеса бюрократической эквилибристики.

Нынешние сторонники “правильности” действий Сталина в “Ленинградском деле” – питерская журналистка Е. Прудникова и итальянско-российский журналист (с двойным гражданством), выступающий под псевдонимом Сигизмунд Сигизмундович Миронин (настоящего своего имени он не раскрывает до сих пор, отделяваясь репликой, что не пришло ещё время) – утверждают, что ленинградское руководство, проводя в январе 1949 года в Ленинграде Всероссийскую торговую оптовую ярмарку товаров народного потребления и продовольственных товаров, совершило “антинародное преступление”, выразившееся в том, что в условиях, “когда страна только что начала отходить от голода 1947 года”, допустило порчу этих товаров, что якобы привело к “астрономическому ущербу в четыре миллиарда рублей”. “Уже за одно только это, – пишет из своего итальянского далека С. Миронин, – люди, совершившие подобный шаг, заслуживают самого серьёзного наказания”³⁶.

О чём в действительности идёт речь?

Никто сегодня уже не может ответить на вопрос, каким образом создавалась совершенно фантастическая ситуация, когда после войны, в условиях острой нужды, на складах Министерства торговли СССР скопилось неликвидных товаров народного потребления на сумму более 5 миллиардов рублей.

В том числе и продовольственных. Но терпеть такую ситуацию правительство не могло, и 14 октября 1948 года Бюро Совмина СССР под председательством Н. Вознесенского (председателем Бюро на тот момент был Сталин, а его заместителями, которые попеременно вели заседания, были Вознесенский, Маленков и Берия) приняло решение о разработке мероприятий по реализации этих неликвидов. Позднее в числе этих мероприятий были названы межобластные оптовые ярмарки, куда был разрешён вывоз этих неликвидов и их реализация. К слову сказать, инициатором организации таких мероприятий задолго до ленинградской ярмарки выступил именно Г. Маленков. 11 ноября 1948 года он подписал постановление Бюро Совмина СССР «О мероприятиях по улучшению торговли», где всем руководителям союзных республик и областей указывалось: «Организовать в ноябре-декабре 1948 года межобластные оптовые ярмарки, на которых произвести распродажу излишних товаров, разрешить свободный вывоз из одной области в другую купленных на ярмарке промышленных товаров»³⁷.

Наибольшее количество подобных товарных остатков собралось в РСФСР, и руководство республики (предсовмина РСФСР Н. И. Родионов) в точном соответствии с установившимся по таким поводам правилам вошло в Бюро Совета Министров СССР с предложением провести, в целях реализации этих неликвидов, 10–20 января 1949 года в Ленинграде выставку товаров скопившихся товаров, назвав эту выставку оптовой ярмаркой. В предложении выражалась просьба разрешить приглашение на участие в ярмарке торговых организаций союзных республик.

Бюро Совмина СССР предложение руководства РСФСР рассмотрело и приняло решение согласиться с ним. Председательствовал, в силу очередности, на этом заседании Бюро Н. Вознесенский.

В соответствии с этим распоряжением в Ленинград были свезены **образцы** товаров 450 наименований. Ярмарка прошла успешно. Как пишет профессор В. А. Кутузов, «по образцам заключались сделки и договоры на доставку товаров в различные районы. А до этого товары, в том числе и продовольственные, хранились на базах и складах производителей. Всего было предложено заключить договоры на поставку промышленных товаров на 6 млрд рублей и продовольственных – на 2 млрд рублей»³⁸. Об этих сделках 8, 11 и 21 января сообщала на своих страницах «Ленинградская правда». То есть всё происходило открыто и гласно.

Перевирая эти факты, Е. Прудникова, С. Миронин, А. Мартиросян пишут, что на эту оптовую ярмарку были якобы свезены **все** товары, они там якобы испортились и нанесли ущерб народному хозяйству на 4 млрд рублей³⁹, и потому, дескать, Сталин «правильно расстрелял» «ленинградцев»⁴⁰.

К сожалению, к этому искажению фактов присоединился и известный биограф Сталина С. Рыбас, который от своего имени написал следующее: «Однако на самом деле была проведена в Ленинграде с 10 по 20 января 1949 года Всероссийская оптовая ярмарка с участием торговых организаций союзных республик. Кузнецов, Родионов и Попков не только не получили разрешения на её проведение, но и не поставили ЦК и Политбюро в известность о предстоящей ярмарке. Налицо было превышение должностных полномочий целой группой высших партийных и государственных работников, их сговор. Ленинградские руководители и Родионов напрямую вышли на союзные республики, минуя Центр, создав до сих пор *небывалую управленческую коллизию и опасный прецедент*. Кроме того, устроители ярмарки не смогли толком реализовать продовольственные товары, свезённые в Ленинград со всей страны, что привело к их порче и ущербу в четыре миллиарда рублей. Нелишне напомнить, что именно в этот период колоссальные средства были направлены на восстановление народного хозяйства и создание атомного оружия. Ярмарка проводилась без рекламы»⁴¹.

К большому сожалению, Святослав Юрьевич в стремлении бросить тень на «ленинградцев» пошёл и на более сильное искажение истины. «Сталину было доложено, – пишет он в другой публикации, – что ленинградское руководство без согласования с Советом Министров СССР и Политбюро провело в Ленинграде общероссийскую ярмарку, которая по неизвестной причине получила статус Всесоюзной. Налицо были факты **самоуправства** (выделено мною. – **Вл. К.**), присвоения полномочий вышестоящего органа, бесхозяйственность. Нелишне напомнить, что именно в этот период колоссальные

средства были направлены на восстановление народного хозяйства и создание атомного оружия. Ярмарка проводилась без рекламы, на неё были вызваны **только партийные работники** (выделено мною. — **Вл. К.**), возглавляющие крупные области и города РСФСР, а это дало основания для подозрений, что под прикрытием ярмарки состоялся подпольный съезд крупных функционеров КПСС с тем, чтобы организовать новую Коммунистическую партию РСФСР⁴².

Здесь всё те же подтасовка и искажение фактов, всё та же логика (в огороде — бузина, а в Киеве — дядька).

Во-первых, повторюсь, решение о ярмарке принималось не “втихаря”, а на Бюро Совмина СССР. Представители союзных республик, присутствовавшие на заседании, узнали и о ярмарке, и о товарах и немедленно (информация-то горячая!) уведомили об этом свои столицы. Поэтому никакой “небывалой управленческой коллизии”, о которой с показушным ужасом пишет С. Рыбас, не было и в помине.

А во-вторых, позиция С. Рыбаса по этому вопросу в качестве профессионального историка вообще оставляет странное впечатление. Дело в том, что если на ярмарку съехались, как пишет С. Рыбас, **только (только!) партийные работники**, тогда кто же в ходе её проведения заключил договоры на сумму в 6 млрд рублей? Далее. Откуда Святослав Юрьевич взял утверждение, что ярмарка эта “получила статус Всесоюзной”?! Нигде ни в каких документах это название не встречается. За исключением только одного документа — написанного рукой Г. М. Маленкова Постановления Политбюро о снятии с должностей А. А. Кузнецова, М. И. Родионова, П. С. Попкова от 15 февраля 1949 года⁴³. И слово “самовольно” появляется только именно в этом постановлении. Святослав Юрьевич так торопился предъявить претензии “ленинградцам”, что даже партию назвал не ВКП(б), а КПСС, хотя современное её название появилось только в 1952 году, после XIX съезда. Я уже не говорю о том, что, мечась между стремлением оправдать Сталина, с одной стороны, и в то же время по возможности не обвинять “ленинградцев”, с другой, Рыбас запутывается в своих собственных суждениях. Двумя годами ранее в 900-страничной монографии о Сталине, изданной в серии ЖЗЛ, этот исследователь высказал прямо противоположный взгляд по поводу этой пресловутой ярмарки. “Если учесть, — писал он ранее, — что в Ленинграде была проведена не Всесоюзная, а всероссийская оптовая ярмарка для распродажи товарных излишков, то все обвинения формально слабо мотивированы: обвинённые действовали в рамках своей компетенции”⁴⁴.

Впрочем, “оставим мёртвым погребать своих мертвецов” и вернёмся к тому, как события разворачивались дальше.

Не искушённые в кремлёвских интригах ленинградцы были абсолютно уверены в рутинности своих действий по поводу проведения этого мероприятия и никакого подвоха не опасались. Они не подозревали, что в Москве Маленков затеял большую политическую интригу против Н. Вознесенского с целью устранения его как соперника во власти. Столь же высокую наивность в таких делах проявил в этом случае и сам Николай Александрович Вознесенский.

И только председатель Совета Министров РСФСР М. И. Родионов через три дня после начала работы ярмарки, 13 января 1949 года почувствовал, что что-то здесь идёт не так, и решил подстраховаться: направил Маленкову специальное письмо с докладом о ходе работы ярмарки и о проявлении большого интереса к ней со стороны торговых организаций союзных республик.

Но оказалось, что заместитель председателя Совета Министров СССР только и ждал повода для развития атаки на Н. Вознесенского. Сразу по получении этой депешки прямо на письме Родионова Маленков пишет: “Товарищам Берии Л. П., Вознесенскому Н. А., Микояну А. И. и Крутикову А. Д. Прошу Вас ознакомиться с запиской тов. Родионова. Считаю, что такого рода мероприятия должны проводиться **с разрешения** Совета Министров”.

Крутиков А. Д. (1901–1962) — заместитель председателя Совмина СССР, председатель Бюро по торговле и лёгкой промышленности при СМ СССР. Позже по представительству Маленкова должности своей лишился.

Вот эта январская резолюция и стала по-настоящему спусковым крючком “Ленинградского дела”.

Маленков и Берия немедленно расширяют поле наступления на, условно говоря, “ленинградцев”, и к двум главным направлениям (якобы непрофессиональное и политически неправильное руководство Н. Вознесенским Госпланом и опять же якобы превышение полномочий ленинградским руководством в деле проведения Всероссийской оптовой ярмарки, хотя бы и с разрешения заместителя председателя Бюро Совмина СССР Н. Вознесенского) Маленков добавил третье и тоже вывел его на Сталина.

Этим третьим эпизодом стали нарушения в подсчёте голосов во время выборов партийных руководителей в Ленинграде в конце 1948 года.

25 декабря 1948 года в Ленинграде состоялась X областная и VIII городская объединённая партийная конференция, в ходе которой были проведены выборы руководителей партийных органов. На должность 1-го секретаря горкома и обкома партии был избран Попков П. С., 2-го секретаря обкома партии — Бадаев С. Ф., 2-го секретаря горкома — Капустин Я. Ф., председателем Ленисполкома — Лазутин П. Г. Как было зафиксировано в протоколах избирательной комиссии, все руководители были избраны единогласно.

Но в первых числах января 1949 года в ЦК ВКП(б) на имя Сталина поступило из Ленинграда письмо анонимных авторов, в котором говорилось о том, что **“очень многие коммунисты”** голосовали против руководителей Ленинграда.

Письмо было анонимным, но не случайным. Судя по всему, оно было инспирировано из Москвы, и знающие люди подозревали тогда и так считают и сегодня, что этими анонимами были люди, связанные с Маленковым. Косвенно на это намекает бывший главный военный прокурор СССР, а потом заместитель генерального прокурора СССР А. Ф. Катусев (1939–2000) (после увольнения из органов подвизался консультантом в частных коммерческих фирмах, покончил жизнь самоубийством при невыясненных обстоятельствах в станице Голубинская Краснодарского края). Он был членом “Комиссии Политбюро ЦК КПСС по дополнительному изучению материалов, связанных с репрессиями, имевшими место в период 1930–1940-х и 1950-х годов”, работавшей в марте 1988 года. Незадолго до своей смерти рассказал под аудиозапись журналисту Столярову, что следы возникновения этого анонимного документа ведут к Маленкову: “...Маленков — один из главных вдохновителей “Ленинградского дела”. Он занимал в то время пост председателя Совмина СССР. Кузнецов, Попков, Родионов, Лазутин и Соловьёв были арестованы 13 августа 1949 года в кабинете Маленкова, а Вознесенский арестован на основании решения Пленума ЦК ВКП(б), проходившего 12–13 сентября 1949 г.”⁴⁵.

По существовавшим тогда правилам анонимные письма на имя Сталина (а это были сотни, а иногда даже и тысячи в день) на стол Сталина, как правило, не попадали. Их рассматривал аппарат Генсека, где конечной инстанцией, принимавшей решение класть их в папку для доклада или отправить гулять по аппарату ЦК партии, был генерал-лейтенант Поскрёбышев А. Н., заведующий канцелярией Генсека, личный секретарь Сталина. Кроме него, в Кремле было всего лишь два человека, кто мог лично положить на стол Сталина, то есть отдать ему в руки, анонимный документ — Берия и Маленков. Как попало к Генсеку это письмо из Ленинграда, теперь уже выяснить невозможно. Известно только, что Генсек держал его в руках, прочитал немедленно и вызвал Маленкова для прояснения ситуации.

Маленков, судя по всему, именно в этот момент и доложил Сталину не только о нарушениях партийной демократии при выборах руководящих органов на ленинградской партийной конференции, но и том, что в Ленинграде идёт какая-то “непонятная” “Всесоюзная” оптовая ярмарка, на которую съехались торговые делегации из всех союзных республик, и что ему, Маленкову, об этом мероприятии ничего не известно. О том, что ещё 11 ноября 1948 года именно Маленков как председатель заседания Бюро Совмина СССР рекомендовал проведение на территории СССР таких ярмарок, Георгий Максимилианович в разговоре со Сталиным, конечно, умолчал.

Сталин был обеспокоен и приказал Маленкову через Комиссию партийного контроля при ЦК ВКП(б) разобраться и с партконференцией, и с ярмаркой. Уже 12 января Комиссия доложила, что, действительно, против Попкова на партконференции было подано 4 голоса, против Бадаева — 2, против Лазутина — 2, против Капустина — 15⁴⁶.

Вот после двух дней работы этой Комиссии в Ленинграде, 13 января 1949 года, председатель Совмина РСФСР Родионов и направил письмо Маленкову о работе в Ленинграде Всероссийской оптовой ярмарки, по-видимому, начиная подозревать о том, что в Кремле запущено колесо дискредитации российского руководства в глазах Сталина и что у штурвала этого колеса стоит именно Маленков.

Международный журналист Сигизмунд Миронин о работе комиссии КПК пишет так: “Попков, Капустин и Кузнецов подтасовали партийные протоколы по избранию на ответственные должности на объединённой партконференции города и области 25 декабря 1948 года, когда 23 бюллетеня с голосами “против” были заменены на положительные для руководства... В то время самым ужасным преступлением высокопоставленного партийного или государственного деятеля была измена. Но не меньшим преступлением была и фальсификация партийных выборов. *Дело партии было священным*, и в особенности внутрипартийные выборы тайным голосованием, которые считались наиболее эффективным инструментом внутрипартийной демократии”⁴⁷.

Оставим пока в стороне демагогические рассуждения Миронина (и Мартиросяна) о “священном” характере “внутрипартийной демократии” в ВКП(б). Не будем напоминать читателю и о том, сколько партийных функционеров, избранных в руководящие партийные органы до войны и после неё, расстались с жизнью по нормам этой самой “священной внутрипартийной демократии”, а таких были десятки тысяч.

Миронин не случайно не упоминает о том, что делегатов на упомянутой ленинградской конференции было около 1200, и четыре голоса, поданных против Попкова, ничего, конечно же, не решали.

Он просто-напросто вслед за Маленковым, Берией, Хрущёвым повторяет их ложь по поводу действий ленинградского руководства. Многие ведь даже тогда знали о казусе XVII съезда ВКП(б), прошедшего 26 января – 10 февраля 1934 года, так называемого “съезда победителей”. 1966 делегатов было избрано на этот съезд, из них 1227 с решающим голосом и 739 – с совещательным. Почти все они потом были расстреляны, но в данном случае речь идёт не об этом преступлении. После XX съезда КПСС стало известно, что несколько сот делегатов на том съезде при тайном голосовании руководящих парторганов проголосовало против членов Политбюро. Выживший после съезда член счётной комиссии этого съезда, делегат от московской парторганизации В. М. Верховых в записке в Комитет партийного контроля ЦК КПСС 23 ноября 1963 года вспоминал: “Сталин, кажется, имел 122 или 123 голоса “против”, а Молотов и Каганович – каждый более 100 голосов. Но все бюллетени “против” были уничтожены”.

Об этом инциденте в партии уже тогда знали многие. За что и поплатились. А современные западные “специалисты” по России хоть и говорят о том, что против Сталина на том съезде было действительно подано более сотни голосов, но признают, что этот факт никак не мог повлиять на выборы руководящих органов.

К тому же, как удалось выяснить Комиссии КПК, ни Попков, ни Лазутин, ни Капустин, ни другие руководители Ленинграда ничего не знали об этом инциденте. Председатель счётной комиссии партконференции А. Я. Тихонов не стал ставить в известность руководство Ленинграда и области о нескольких поданных голосах “против” и на конференции объявил, что все эти лица прошли единогласно.

Нет слов, это было нарушение партийных норм. Не вызывает удивления и то, что Маленков, а вслед за ним и Сталин, объявили это “фальсификацией” выборов. Им это было нужно для того, чтобы представить ленинградское руководство перед партийной общественностью города преступниками. Удивление вызывает другое, а именно то, что некоторые нынешние авторы, пишущие о “Ленинградском деле”, повторяют слова о фальсификации выборов. Так, С. Рыбас уже от себя, а не от имени Маленкова и Сталина, повторяет: “Комиссия партийного контроля при ЦК ВКП(б)... выявила **факт** фальсификации”⁴⁸. Между тем, С. Рыбас мог бы заглянуть в толковый словарь русского языка, где прочитал бы, что под фальсификацией понимается сознательное изменение **качественного состояния** подделяемого предмета⁴⁹. А в уголовном праве РФ именно в этом плане (решающее изменение качества) установлена ответственность за фальсификацию избирательных документов,

документов референдума или неправильный подсчёт голосов (ст. 142 УК РФ).

Таким образом, выражение “фальсификация”, употреблённое Прудниковой, Мирониным, Рыбасом и другими, к выборам на ленинградской конференции отношения не имеет. Фальсификации выборов парторганов там не было. Нарушения были, а фальсификация – нет.

Не стану больше утомлять читателя подробным “разбором полётов” по поводу пропажи документов в Госплане с грифом “секретно” и обвинениях “ленинградцев” по части так называемого личного обогащения. При ближайшем рассмотрении ситуация, взятая в целом, показывает, что и здесь в основном идут подтасовки и домыслы. Материал этот в моём распоряжении имеется, но, скажу откровенно, возиться с ним и скучно, и омерзительно.

Объективный исследователь должен с сожалением констатировать, что “русской команде” (условно говоря) в борьбе с противостоящей ей группой Маленкова и Берии недостало политического умения и опыта.

Неосторожные политические ходы со стороны ждановской “команды” начались сразу же после запущенного вождём вышеприведённого “пробного шара” о возможном назначении своих наследников.

27 сентября 1947 года председатель Совета Министров РСФСР М. Родионов неожиданно для всего партийного ареопага направляет вождю следующий документ:

“Записка М. И. Родионова И. В. Сталину
о создании Бюро ЦК ВКП(б) по РСФСР
Товарищу Сталину И. В.
27 сентября 1947 г.

Секретно

Прошу Вас рассмотреть вопрос о создании Бюро ЦК ВКП(б) по РСФСР.

Создание Бюро, как мне представляется, необходимо для предварительного рассмотрения вопросов РСФСР, вносимых в ЦК ВКП(б) и Союзное Правительтельство, а также для обсуждения важнейших вопросов хозяйственного и культурного строительства РСФСР, подлежащих рассмотрению Советом Министров РСФСР.

Наличие такого органа при ЦК ВКП(б) даст возможность привлечь ещё большее внимание местных партийных и советских организаций к более полному использованию местных возможностей в выполнении пятилетнего плана восстановления и развития народного хозяйства.

Более лучшее использование местных возможностей особенно необходимо, наряду с Союзным хозяйством, и в таких отраслях, как городское хозяйство, дорожное строительство, сельское и колхозное строительство, местная промышленность, просвещение и культурно-просветительская работа.

Председатель Совета Министров РСФСР М. Родионов⁵⁰.

Одновременно с письмом Сталину Родионов направляет копию своего обращения к Генсеку и первому секретарю МГК и МК, секретарю ЦК Попову:

“Товарищу Попову Г. М.

Направляю Вам копию письма, посланного мною на имя товарища Сталина И. В. по вопросу создания Бюро ЦК ВКП(б) по РСФСР. Прошу Вас, Георгий Михайлович, поддержать эту просьбу.

М. Родионов. 27 сентября 1947 г.⁵¹.

В предложении Родионова не было ничего принципиально нового. Ещё 19 июля 1936 года по докладу Сталина ПБ образовало при ЦК ВКП(б) Бюро по делам РСФСР во главе с А. А. Андреевым для “предварительного рассмотрения хозяйственных и культурных вопросов, подлежащих обсуждению в СНК или в наркоматах РСФСР”. Бюро не имело своего аппарата и имело право пользоваться аппаратом Секретариата ЦК ВКП(б)⁵².

По всей видимости, эту свою колоссальной политической значимости Записку Родионов не один раз обсуждал с А. Ждановым. Во всяком случае, мне удалось обнаружить в архиве личную записку Михаила Ивановича Жданову, где он писал:

“Товарищу Жданову А. А.

Направляю Вам копию письма, посланного мною на имя товарища Сталина И. В. по вопросу создания Бюро ЦК ВКП(б) по РСФСР.

Прошу Вас, Андрей Александрович, поддержать эту просьбу.

М. Родионов⁵³.

Поднимал этот вопрос Жданов в своих встречах с вождём или нет — неизвестно. Как неизвестна осталась и реакция Сталина на письмо Родионова. Известно лишь то, что в числе посетителей вождя Родионов в этот период не значился. Правда, известно и нечто другое. В это же время на стол Генсека ложится выполненная по распоряжению В. Абакумова “прослушка” МГБ, зафиксировавшая на квартире секретаря ЦК А. Кузнецова разговор с Попковым и Родионовым о бедственном, по сравнению с другими союзными республиками, экономическом положении РСФСР и о желании этих троих создать ЦК Коммунистической партии РСФСР. С этого момента Абакумов взял за правило записывать все разговоры Кузнецова и Родионова и класть эти записи на стол вождя.

Похоже, Михаил Иванович действительно искренне верил в то, что ему удастся изменить положение РСФСР в семье союзных республик. Он даже провёл переговоры с композитором Д. Д. Шостаковичем на предмет создания гимна России. Шостакович согласился сразу, но заявил, что для написания музыки ему нужны стихи. Родионов обратился к Степану Щипачёву, и тот написал текст гимна России. Российский государственный архив социально-политической истории сохранил этот текст, который заканчивался куплетом:

*Славься, Россия — Отчизна свободы!
К новым победам пойдём мы вперёд.
В братском единстве свободных народов
Славься, великий наш русский народ!*

В 1991 году, когда встал вопрос о восстановлении символики независимой от СССР России, созданный “ленинградцами” гимн народным депутатам Верховного Совета РСФСР не понадобился. Не пришёлся он ко двору и руководителям новой России, от Ельцина до Путина, сталинский гимн СССР — и музыка, и слова — оказался более актуальным и в новую, послесталинскую, эпоху.

Но гимн — это, конечно, только деталь в сравнении с политической обстановкой, которая складывалась вокруг Родионова. Российский премьер зловецкого (не могу подобрать в этом случае иного слова) молчания Сталина в ответ на своё письмо не оценил и ровно через год написал новое письмо. А предупредить его об опасности уже было некому: А. Кузнецова Маленков постарался от всей серьёзной информации отстранить (фактически блокировал), а Жданова 31 августа 1948 года не стало.

Буквально через неделю после смерти Жданова Родионов направляет Маленкову выдержанное в сугубо деловом официальном тоне письмо, где подробно объясняет необходимость восстановить справедливость (экономическую) в отношении РСФСР в сравнении с другими союзными республиками.

“Совершенно секретно.

Центральный Комитет ВКП(б)

Товарищу Маленкову Г. М.

В целях ещё более успешного выполнения важнейших задач хозяйственного и культурного строительства в Российской Республике назрела серьёзная необходимость создания Бюро ЦК ВКП(б) по РСФСР.

Это необходимо для:

а) предварительного рассмотрения вопросов РСФСР, вносимых в ЦК ВКП(б) и Союзное правительство.

В настоящее время такие вопросы, как народнохозяйственный план, бюджет Республики, при внесении их в ЦК ВКП(б) и Совет Министров СССР, предварительно нигде не рассматриваются. Поскольку Республика является ведущей и удельный вес её в СССР превышает все вместе взятые союзные республики, целесообразно эти вопросы предварительно рассматривать в партийном органе;

б) обсуждения важнейших вопросов хозяйственного и культурного строительства Республики, подлежащих рассмотрению Советом Министров РСФСР.

В городах и рабочих посёлках РСФСР около 120 млн кв. метров жилой площади, огромное коммунальное и городское хозяйство, 877 тыс. км дорог союзного, республиканского и местного значения, 117 295 школ и в них около 16 млн учащихся, в республиканской и местной промышленности насчитывается 276 тыс. рабочих, в кооперативной промышленности Республики работают

свыше миллиона членов артелей и наёмных рабочих. План по товарообороту Министерства торговли РСФСР составляет около 65 миллиардов рублей в год и т. д.

Решение главных вопросов по этим отраслям работы требует предварительного их рассмотрения или согласования в партийном органе. Кроме того, для лучшего использования местных возможностей в решении этих задач настоятельно требуется привлечение местных партийных организаций;

в) повышение роли и ответственности советских органов перед вышестоящими советскими органами. Известно, что роль исполкомов в выполнении задач хозяйственного и культурного строительства в большинстве своём недостаточна, их ответственность перед вышестоящими советскими органами тоже недостаточна;

г) рассмотрения назревших вопросов советского строительства.

Прошло 12 лет, как принята Сталинская Конституция, но до сих пор нет положений о местных советах, что часто способствует разного рода нарушениям социалистической законности в работе местных советских органов.

Наконец, в отношении РСФСР требуется рассмотрение ряда организационных вопросов.

Нужно чётко определить роль и обязанности Министерства сельского хозяйства РСФСР. Положение, в котором сейчас находится это Министерство, является неопределённым. Нельзя считать нормальным, когда Министерство сельского хозяйства ведущей Республики лишено возможности заниматься вопросами жизни и работы колхозов, МТС, местных земельных органов и т. д.

В РСФСР нет Министерства государственной безопасности, внутренних дел, и республиканские органы лишены всякой информации по их линии.

В РСФСР нет своего печатного органа. Если напомнить, что все республики имеют свои печатные органы, то отсутствие печатного органа РСФСР трудно объяснить.

Прошу ЦК ВКП(б) рассмотреть вопрос о создании Бюро ЦК ВКП(б) по РСФСР.

Председатель Совета Министров РСФСР

М. Родионов.

9 сентября 1948 г.⁷⁹

№ МР-1654⁸⁴.

Судя по личным пометам Маленкова на письме, он читал этот документ очень внимательно, отчеркнул первую фразу о необходимости создания Бюро ЦК ВКП(б) по РСФСР, но дальше пометок на письме нет. Судя по всему, вчитавшись в текст, Маленков понял, что если выполнить всё, что Родионов просит в отношении повышения статуса РСФСР, то с Советским Союзом как единым унитарным государством можно будет попрощаться, на территории СССР останется только РСФСР и в подчинённом ей положении будут пребывать другие союзные республики.

В РГАНИ лежит письмо Родионова Сталину от 9 сентября 1948 года, где рукой вождя тоже отчеркнута именно та фраза, которую пометил и Маленков. Значит, Георгий Максимилианович никакого решения по письму российского премьер-министра сам принимать не стал, а сразу пошёл на доклад к Сталину и, опять же, судя по всему, с подачи Маленкова в сентябре 1948 года судьба М. И. Родионова была решена.

Российский премьер это почувствовал и попытался попасть на личный приём к Сталину. Но сумел дойти только до кабинета Поскрёбышева. В личном архиве Сталина лежит (без единой пометы!) клочок бумаги с рукописной запиской Родионова от 9 сентября 1948 года.

“Дорогой Иосиф Виссарионович!

Убедительно прошу Вас принять меня по вопросу о создании группы или Бюро ЦК по РСФСР.

М. Родионов”.

Вождь на эту записку не ответил, а вот Маленков получил “добро” на раскрутку так называемого “Ленинградского дела” и приступил к действию.

15 февраля 1949 года Политбюро ЦК принимает постановление “Об антипартийных действиях” и отрешении от должностей “ленинградцев”.

Проект текста постановления с крайне резкими оценками готовил Маленков (в машинописном тексте документе остались его личные вписывания), а на самом заседании Политбюро замечания в текст вносил Сталин. Все обвинения в адрес обсуждаемых лиц касались только оптовой ярмарки в Ленинграде,

но Маленкову впервые удалось в этом документе привязать к действиям ленинградского руководства А. Кузнецова и Н. Вознесенского, а во-вторых, совершить подмену понятий: Всероссийская оптовая ярмарка в Ленинграде **по образцам** товаров широкого потребления и продовольственных товаров (как она официально проходила по документам) в постановлении Политбюро была названа “Всесоюзной ярмаркой”.

Из текста документа можно было сделать вывод, что на ярмарку были свезены **все** имеющиеся в РСФСР неликвиды, и на этом основании и было построено основное обвинение. В этом якобы криминале удалось убедить и Сталина. Не думаю, что Генсек не заметил этой подтасовки, но для себя он уже, видимо, принял решение о расправе с “ленинградцами”.

В постановлении Политбюро всё это было выстроено по законам жёсткой драмы.

“Об антипартийных действиях члена ЦК ВКП(б) т. Кузнецова А. А. и кандидатов в члены ЦК ВКП(б) т. т. Родионова М. И. и Попкова П. С.

На основании проведённой проверки установлено, что председатель Совета Министров РСФСР вместе с ленинградскими руководящими товарищами при содействии члена ЦК ВКП(б) тов. Кузнецова А. А. самовольно и незаконно организовал Всесоюзную оптовую ярмарку с приглашением к участию в ней торговых организаций краёв и областей РСФСР, включая и самых отдалённые, вплоть до Сахалинской области, а также представителей торговых организаций всех союзных республик. На ярмарке были предъявлены к продаже товары на сумму около 9 млрд рублей, включая товары, которые распределяются союзным правительством по общегосударственному плану, что привело к разбазариванию государственных товарных фондов и к ущемлению интересов ряда краёв, областей и республик. Кроме того, проведение ярмарки нанесло ущерб государству в связи с большими и неоправданными затратами государственных средств на организацию ярмарки и на переезд участников её из отдалённых местностей в Ленинград и обратно.

Политбюро ЦК ВКП(б) считает главными виновниками указанного антигосударственного действия кандидатов в члены ЦК ВКП(б) т. т. Родионова и Попкова и члена ЦК ВКП(б) т. Кузнецова А. А., которые нарушили элементарные основы государственной и партийной дисциплины, поскольку ни Совет Министров РСФСР, ни Ленинградский обком ВКП(б) не испросили разрешения ЦК ВКП(б) и Совмина СССР на проведение Всесоюзной оптовой ярмарки и, в обход ЦК ВКП(б) и Совета Министров СССР, самовольно организовали её в Ленинграде.

Политбюро ЦК ВКП(б) считает, что отмеченные выше противогосударственные действия явились следствием того, что у т. т. Кузнецова А. А., Родионова, Попкова имеется нездоровый, небольшевистский уклон, выражающийся в демагогическом заигрывании с ленинградской организацией, в охаивании ЦК ВКП(б), который якобы не помогает ленинградской организации. . .

В этом же свете следует рассматривать ставшее только теперь известным ЦК ВКП(б) от т. Вознесенского предложение “шефствовать” над Ленинградом, с которым обратился в 1948 году т. Попков к т. Вознесенскому Н. А., а также неправильное поведение т. Попкова, когда он связи Ленинградской партийной организации с ЦК ВКП(б) пытается подменить личными связями с так называемым “шефом” т. Кузнецовым А. А.”

В тексте постановления была усмотрена связь такого поведения “ленинградцев” с действиями Зиновьева, который “прибегал к таким же антипартийным методам”.

В постановляющей части Родионов, Попков и Кузнецов отрешались от своих должностей⁵⁵.

А потом наступила очередь Н. Вознесенского.

5 марта 1949 года состоялось совместное заседание Политбюро ЦК ВКП(б) и Совмина СССР, принявшее Постановление ЦК “О Госплане”. Проект Постановления был вновь написан лично Маленковым и принят без каких-либо изменений. Вёл заседание Политбюро Сталин.

Текст постановления Политбюро по своей тональности и лексике резко отличается от всех подобного рода документов. Маленков вложил в этот текст все свои эмоции по отношению лично к Вознесенскому. Вот только некоторые пассажи из этого документа.

“Являясь общегосударственным органом для планирования народного хозяйства СССР и контроля за выполнением государственных планов, Госплан должен быть абсолютно объективным и на сто процентов **честным** органом, – говорилось в документе, – в работе его совершенно недопустимо **вихляние и подгонка цифр**, “ибо попытка подогнать цифры под то или другое предвзятое мнение есть **преступление уголовного характера**”.

В результате проверки, произведённой Бюро Совета Министров СССР в связи с запиской Госснаба СССР (т. Помазнев) о плане промышленного производства на I квартал 1949 года, вскрыты факты **обмана Госпланом СССР Правительства**, установлено, что Госплан СССР допускает **необъективный и нечестный** подход к вопросам планирования и оценки выполнения планов, что выражается, прежде всего, **в подгонке цифр с целью замазать** действительное положение вещей, вскрыто также, что имеет место смыкание Госплана СССР с отдельными министерствами и ведомствами и занижение производственных мощностей и хозяйственных планов министерств. Всё это подтверждается следующим:

1. Постановлением от 29 сентября 1947 г. Совет Министров СССР признал недопустимой повторившуюся в 1947 году практику снижения валовой продукции промышленности в I квартале по сравнению с ГУ кварталом предыдущего года и указал на необходимость не только не допустить снижения производства в I квартале 1948 г., но и достигнуть дальнейшего серьёзного увеличения выпуска промышленной продукции.

Госплан СССР вместо того, чтобы **честно выполнять** директиву Правительства, встал на путь **обмана Правительства** и в этих целях ввёл с I квартала 1948 года подозрительное новшество в планировании, начав определять темпы роста промышленности без сезонных отраслей...

Совет Министров СССР рассматривает отмеченные выше **антигосударственные действия как сопротивление со стороны Госплана СССР линии партии и Правительства** в вопросе обеспечения систематического роста промышленного производства в I квартале по сравнению с IV кварталом...

Совет Министров Союза СССР постановляет:

1. Признать совершенно нетерпимыми вскрытые при проверке **факты обмана Госпланом СССР Правительства, преступную практику подгонки цифр**, осудить неправильную линию Госплана СССР...

Отметить, что проверка показала, что т. Вознесенский неудовлетворительно руководит Госпланом СССР, не проявляет обязательной, особенно для члена Политбюро, партийности в руководстве Госпланом СССР и в защите директив Правительства в области планирования, неправильно воспитывает работников Госплана СССР, вследствие чего в Госплане СССР культивировались **непартийные нравы, имели место антигосударственные действия, факты обмана Правительства, преступные факты по подгону цифр** и, наконец, факты, которые свидетельствуют о том, что руководящие работники Госплана СССР **хитрят с Правительством**.

Обязать Госплан СССР решительно покончить с **антигосударственной практикой**...

2. Освободить т. Вознесенского от обязанностей Председателя Госплана СССР...

Председатель Совета Министров Союза ССР И. Сталин

Управляющий Делами Совета Министров СССР Я. Чадаев⁵⁶.

Роль Маленкова вообще была самой зловещей в этом “деле”. Сын его А. Г. Маленков попытался было оспорить роль своего отца в уничтожении “ленинградцев”⁵⁷, но документы неопровержимо свидетельствуют об обратном.

Если документы ЦК КПСС в 1955 году возлагают на Маленкова ещё только “моральную” ответственность за “ленинградский процесс”⁵⁸, то в 1957-м и в 1988 году он уже был прямо обвинён в организации этого “дела”⁵⁹.

Материалы КПК при ЦК КПСС 1989 года не оставляют никакого сомнения в участии Г. М. Маленкова в этом “деле”: “С целью получения вымышленных показаний о существовании в Ленинграде антипартийной группы Г. М. Маленков лично руководил ходом следствия по делу и принимал в допросах непосредственное участие. Ко всем арестованным применялись незаконные методы следствия, мучительные пытки, побои и истязания. Для создания видимости существования в Ленинграде антипартийной группировки по указанию Г. Маленкова были произведены массовые аресты... Более года арестованных

готовили к суду, подвергали грубым издевательствам, зверским истязаниям, угрожали расправиться с семьями, помещали в карцер и т. д. Психологическая обработка обвиняемых усилилась накануне и в ходе самого судебного разбирательства. Подсудимых заставляли учить наизусть протоколы допросов и не отклоняться от заранее составленного сценария судебного фарса. Их обманывали, уверяя, что признания “во враждебной деятельности” важны и нужны для партии, которой необходимо преподать соответствующий урок на примере разоблачения враждебной группы. Однако вопрос о физическом уничтожении Н. А. Вознесенского, М. И. Родионова, П. С. Попкова, Я. Ф. Капустина, П. Г. Лазутина был предрешён до судебного процесса”⁶⁰.

На пленуме ЦК в 1957 году Маленков был вынужден признаться в том, что Кузнецова, Попкова, Родионова, Лазутина и Соловьёва 13 августа 1949 года он сам пригласил к себе в кабинет, где они и были арестованы офицерами НКВД даже без предъявления санкции прокурора.

Функции непосредственного исполнителя репрессий в отношении “ленинградцев” с огромной энергией выполнял министр госбезопасности В. Абакумов. По малейшему намёку Сталина Абакумов приказывал производить аресты, приказывал пытать фигурантов по “Ленинградскому делу”, а если те отказывались подписывать наветы на самих себя (а они отказывались), помещал их в карцер-холодильник на несколько суток. Арестованных сотни раз вызывали по ночам к следователям и сутками не давали спать⁶¹. А когда это не помогало, то подвергали зверским избиениям.

Ради выполнения приказа вождя добиться “признаний” от арестованных Абакумов не только подвергал их истязаниям, но шёл на совершенно фантастические обещания и беспардонный обман и ложь. В материалах заседания КПК при ЦК КПСС 1988 года были записаны показания следователей о том, что они обещали арестованным “ленинградцам” сохранить им жизнь, каков бы ни был приговор, и даже если их приговорят к высшей мере, то его никогда не приведут в исполнение, а направят их на под другими именами на некую подпольную партийную работу в Сибирь и на Дальний Восток⁶².

В архивах не сохранились свидетельства этих пыток, так как “ленинградцы” если и писали бумаги, то только такие, в которых они опровергали возводимую на них ложь. Но на следователей они не жаловались, считая это ниже своего достоинства. В этом они кардинально отличались от своих палачей.

А Абакумов был именно таким палачом с большой выдумкой и с большим энтузиазмом. “Когда Абакумова после смерти Сталина судили, Генеральный прокурор СССР Роман Руденко сказал: “Я не хочу расшифровывать некоторые формы пыток с тем, чтобы не унижать достоинство тех лиц, к которым они применялись”.

Но сам Абакумов при этом, даже когда его арестовали, стремился сделать вид, что он якобы многого не знал.

Вот, например, в архиве сохранилась жалоба В. Абакумова на бывших его непосредственных подчинённых, которые подвергали его пыткам после его собственного ареста (Абакумов был арестован в июле 1951 года по распоряжению Сталина, а в декабре 1954 года по распоряжению Хрущёва приговорён к расстрелу).

Письмо арестованного Абакумова В. С. из тюремной камеры:

“Товарищам Берии и Маленкову.

Дорогие Л. П. и Г. М.!

...Со мной проделали что-то невероятное. Первые восемь дней держали в почти тёмной, холодной камере. Далее в течение месяца допросы организовали таким образом, что я спал всего лишь час-полтора в сутки, и кормили отвратно. На всех допросах стоит сплошной мат, издевательства, оскорбления, насмешки и прочие зверские выходки. Бросали меня со стула на пол...

Ночью 16 марта меня схватили и привели в так называемый карцер, а на деле, как потом оказалось, это была холодильная камера с трубопроводной установкой, без окон, совершенно пустая, размером 2 метра. В этом страшилище, без воздуха, без питания (давали кусок хлеба и две кружки воды в день) я провёл восемь суток. Установка включалась, холод всё время усиливался. Я много раз впадал в беспамятство. Такого зверства я никогда не видел и о наличии в Лефортово таких холодильников не знал, был обманут... Этот каменный мешок может дать смерть, увечье и страшный недуг. 23 марта это чуть не кончилось смертью — меня чудом отходили и положили в санчасть,

впрыснув сердечные препараты и положив под ноги резиновые пузыри с горячей водой...

...Уважающий Вас В. Абакумов.
18 апреля 1952 г.”⁶³.

К этому письму следует добавить, что камера-холодильник, которую описывает в своём письме Абакумов, была той самой, куда по требованию Сталина, чтобы ускорить процесс “признания” в якобы совершённых ими преступлениях, Абакумов лично приказывал поместить Н. А. и А. А. Вознесенских.

Так что Абакумов испытал “всего лишь” то же самое, на что он обрекал “ленинградцев”.

Но это всё было потом, когда Сталин уже расправился с “ленинградцами”, и Абакумов больше не был ему нужен. А в августе 1950 года вождь приказал своему министру госбезопасности предоставить ему список обвиняемых по “Ленинградскому делу”, и уже 10 августа такой список на 10 человек был Генсеку предоставлен. Прочитав список, вождь разгневался тем, что в списке были названы “всего лишь” 10 человек, в грубой форме и в матерных выражениях обругал Абакумова за “мягкотелость”, потребовал увеличить список до 33 человек и приказал добиться от арестованных признательных показаний, а если они “не признаются” в своих “преступлениях”, то их “нужно побить”. Поскольку министр не знал, кого ещё включить в список, то Сталин лично вписал карандашом в список ещё 23 фамилии.

23 августа 1950 года Абакумов представил Сталину новый проект обвинительного заключения, уже на 33 человека, с протоколами допросов и личными “признаниями в преступлениях”, полученными за эти месяцы от арестованных.

Но текст обвинительного заключения, представленный Абакумовым, Сталина вновь не удовлетворил, тогда за дело взялся Маленков.

По проекту обвинительного заключения, составленному Маленковым, Генсек лично “прошёлся” с карандашом в руке и оставил в нём плотную личную правку. Как уже говорилось выше, изменил очерёдность перечисленных фамилий. Вместо Н. А. Вознесенского на первое место вывел Кузнецова, а Вознесенского переместил на третье, написав: “Во главе обвиняемых поставить Кузнецова, затем Попкова и потом Вознесенского”. К Кузнецову вождь вообще проявил повышенное внимание.

Надобно отметить, что, в конце концов, вся эта кропотливая работа с проектом закрытого письма во многом оказалась напрасной: Генсек так и не решился познакомиться с творением Маленкова и Берии не только широкую общественность, но даже членов ЦК ВКП(б). Вплоть до его смерти о расстрелах и репрессиях по этому “делу” знал только самый узкий круг лиц. А тех, кого согнали в Ленинграде на так называемый “открытый процесс” в Доме офицеров, запугали так, что никто из них до самой смерти Генсека не решился раскрыть рот.

Возникает естественный вопрос: почему Сталин не решился на обнародование этой информации? Ведь когда в 1930-е годы он уничтожал своих старых соратников по партии и военные кадры, об этом не только знала вся страна, но специально проводились массовые публичные мероприятия с осуждением обвиняемых. Почему же в случае с процессами 1949-1950 годов была соблюдена такая секретность?

Думаю, что Сталин опасался огласки именно потому, что массовая расправа им совершалась над представителями этнически **русской** руководящей элиты. Он ведь только что, после войны вознёс здравицу русскому народу, признав, что именно благодаря его таланту и мужеству СССР победил гитлеровскую Германию. Более того, Сталин хоть и в очень узком кругу своих приближённых, но всё-таки практически принёс вслух извинения русскому народу за военные поражения 1941 и 1942 годов.

Наверное, интуиция вождя подсказывала ему, что опасаться было чего. Прошло всего четыре года после Победы, а кровавым репрессиям подвергли именно тех, кто в основном вынес на своих плечах эту Победу, – представителей государственного, партийного, военного и хозяйственного аппарата не только Ленинграда и Ленинградской области, но практически всех областей центральной России и выдвиженцев РСФСР на руководящую работу в другие союзные республики.

Таким образом, мы подходим к главной причине возникновения “Ленинградского дела”.

Главное обвинение, предъявленное “ленинградцам” со стороны Сталина, было обвинение в “русском национализме”, которое, по его мнению, могло привести к распаду Советского Союза, а в этом вопросе Генсек о компромиссах не хотел даже слышать.

Маленков и Берия мысли Сталина в “Ленинградском деле” угадали и в проекте закрытого письма к членам ЦК написали прямо:

“Во вражеской группе Кузнецова неоднократно обсуждался и подготавливался вопрос о необходимости создания РКП(б) и ЦК РКП(б), о переносе столицы РСФСР из Москвы в Ленинград. Эти мероприятия Кузнецов и др. мотивировали в своей среде клеветническими доводами, будто бы ЦК ВКП(б) и союзное правительство проводят **антирусскую политику** и осуществляют протекционизм в отношении других национальных республик **за счёт русского народа**. В группе было предусмотрено, что в случае осуществления их планов Кузнецов А. должен был занять пост первого секретаря ЦК РКП(б)...”.

Правда, авторы проекта перебрали с усердием. Они так хотели оправдать “Ленинградское дело”, что в проект письма ввели “шпионский след”.

“Следует учесть, — писали Берия и Маленков, — что с одним из руководящих членов этой группы Капустиным, как выяснилось теперь, во время пребывания его в 1936 году в Лондоне установила связь английская разведка. Сейчас стало очевидным, что Кузнецов А. и Попков имели сведения об этом, но скрыли их от ЦК ВКП(б)”.

Но тут они явно перестарались. Во-первых, Сталин не поверил в шпионскую связь Капустина с английской разведкой (Абакумов не смог предоставить Генсеку каких-либо доказательств на этот счёт, и этот сюжет не вошёл ни в обвинительное заключение по “делу”, ни в приговор).

А во-вторых (и это, видимо, и было главным соображением), Сталин просто не решился включать в письмо опасный тезис о том, что русские коммунисты захотели иметь свою собственную организационно оформленную компартию. Генсек не стал подписывать такой политически взрывоопасный документ своим именем. Поэтому сначала он зачеркнул подпись под письмом — “секретарь ЦК И. Сталин” и написал своей рукой: “Центральный Комитет ВКП(б)”. А потом и вовсе отказался от рассылки этого документа.

Правда, правка Вождя на этом не закончилась. В проект письма членам ЦК он внёс ещё два исправления. Дело в том, что Маленков в проект письма членам ЦК внёс ещё три фамилии, не испросив на это разрешения у вождя. “Следует указать на неправильное поведение Косыгина А. Н., который оказался как член Политбюро не на высоте своих обязанностей, — внёс своей рукой в черновик документа Георгий Максимилианович. — Он не разглядел антипартийного, вражеского характера группы Кузнецова, не проявил необходимой политической бдительности и не сообщил в ЦК ВКП(б) о непартийных разговорах Кузнецова и др.

Политбюро считает также необходимым отметить ту политическую ответственность, которая ложится на Жданова А. А. за враждебную деятельность ленинградской верхушки... Сейчас трудно объяснить, как мог Жданов А. А. не разглядеть вражеского лица Кузнецова, Попкова, Капустина, Соловьёва и др., которых он настойчиво выдвигал...

Политбюро считает также нужным сказать, что наиболее влиятельные из лиц, замешанных во враждебной работе, являются людьми, близкими к тов. Молотову...

...Исходя из сказанного Политбюро выносит на рассмотрение Центрального Комитета ВКП(б)... предложения... Вывести из состава Политбюро тов. Косыгина А. Н.; обязать т. Молотова дать объяснения ЦК ВКП(б) в связи с тем, что касается изложенного в настоящем письме, и поручить Политбюро рассмотреть эти объяснения”.

В целом Маленков верно угадал настрой вождя, судьба “ленинградцев” Сталиным была решена ещё до получения им этого документа: большинство перечисленных в его глазах подлежали физическому уничтожению. Большинство, но не все. Синий карандаш вождя вычеркнул из текста всякое упоминание о Косыгине и Молотове (оба они были оставлены членами Политбюро ЦК). Судя по пометам на тексте, наибольшее мучение Сталину доставило определиться в отношении покойного уже бывшего его первого заместителя

по Секретариату ЦК. Сначала Генсек на полях документа написал, что глава “преступной группы” “ленинградцев” А. А. Кузнецов “злоупотребил доверием тов. Жданова”, потом зачеркнул этот пассаж и пометил: “кадровые назначения происходили при поддержке тов. Жданова, питавшего полное доверие к Кузнецову”. Потом слово “полное” было им зачёркнуто и заменено на “безграничное доверие”. В конце концов, Сталин дважды зачеркнул слово “безграничное”, вновь заменил его на “полное” и так и оставил в конечном варианте.

В конечном итоге, Сталин так и не решился направить такое письмо членам ЦК, написав на нём: “В архив”, – и разрешил начать судебный процесс.

7. Судилище в Ленинграде

Вся эта драма развивалась стремительно, всего около года. Летом 1949 года начались аресты, а уже 30 сентября 1950 года в Ленинграде состоялся суд, который правильнее было бы назвать судилищем.

Перед этим, 4 сентября 1950 года на стол вождю легла бумага за подписью министра МГБ В. С. Абакумова и Главного военного прокурора генерал-лейтенанта юстиции А. П. Вавилова:

“Сов. секретно

Центральный Комитет ВКП(б)

товарищу Сталину И. В.

При этом предоставляем обвинительное заключение по делу Кузнецова, Попкова, Вознесенского, Капустина, Лазутина, Родионова, Турко, Закржевской и Михеева. Всего в количестве девяти человек.

Считаем необходимым осудить всех их Военной Коллегией Верховного Суда Союза ССР, причём основных обвиняемых Кузнецова, Попкова, Вознесенского, Капустина, Лазутина и Родионова, в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 12 января 1950 года, – к смертной казни – расстрелу, без права помилования, с немедленным приведением приговора суда в исполнение. Турко – к 15 годам тюрьмы, Закржевскую и Михеева – к 10 годам тюремного заключения каждого.

Состав суда определить: председательствующий – заместитель председателя Военной Коллегии Верховного Суда Союза ССР генерал-майор юстиции Матулевич И. О., члены суда – генерал-майор юстиции Зырянов И. М. и генерал-майор юстиции Детистов Ю. В.

Дело заслушать в Ленинграде без участия сторон (прокурора и адвокатов) в закрытом заседании, без опубликования в печати, но в присутствии 100–150 чел. из числа партийного актива ленинградской организации.

Слушание дела, с учётом необходимой тщательной подготовки судебного разбирательства, можно было, по нашему мнению, начать 25 сентября 1950 года.

Просим Ваших указаний.

Абакумов
Вавилов”.

На обвинительном заключении Сталин написал: “Во главе обвиняемых поставить Кузнецова, затем Попкова и потом Вознесенского”.

28 сентября обвинённым дали расписаться на обвинительном заключении. 29 и 30 сентября состоялось судебное заседание. В ночь на 1 октября было вынесено решение суда. Спустя час после оглашения приговора шесть обвинённых по распоряжению Матулевича были расстреляны, тела их зарыты на Левашовской пустоши под Ленинградом и засыпаны негашёной известью. Депутата Верховного Совета СССР, заместителя председателя Владимирского облисполкома И. М. Турко, заместителя заведующего Отделом партийных органов ЦК ВКП(б) Т. В. Закржевскую и депутата Верховного Совета СССР, заместителя председателя Владимирского облисполкома Ф. Е. Михеева осудили на длительные сроки тюремного заключения.

Существуют свидетельства очевидцев того судилища. Одним из таких очевидцев был член Политбюро ЦК КПСС вплоть до октябрьского (1964 года) Пленума ЦК, первый секретарь Ленинградского обкома в 1950–е годы Ф. Р. Козлов. В 1957 году он лично подробно рассказал Геннадии Куприянову⁶⁴ о деталях этого судебного процесса.

Судебное заседание шло 28–30 сентября 1950 года. Часто прерывалось на час-два. Во время этих перерывов председательствующий Матулевич

связывался со Сталиным и докладывал детали и подробности о том, как ведут себя обвиняемые.

В первый же день, когда председательствующий спросил А. А. Кузнецова, признаёт ли он себя виновным, тот ответил твёрдо и решительно: “Нет, не признаю!” Не признали также себя виновными и Н. А. Вознесенский, М. И. Родионов, П. С. Попков.

Тогда заседание суда прервали и обвиняемых увели в тюрьму. Через день заседание суда возобновилось, обвиняемых Кузнецова, Попкова, Вознесенского ввели под руки, они были так избиты, что сами уже не могли двигаться. Их усадили в кресла и снова начали допрос. “Признаёте ли вы сейчас себя виновными?” – спросили снова у Кузнецова. Он уже не мог встать и, безжизненно махнув рукой, чуть слышно прохрипел: “Признаю!”

Признали себя виновными и все другие подсудимые. И лишь один Николай Алексеевич Вознесенский нашёл ещё в себе достаточно сил, чтобы сказать: “Нет! Не признаю. Можете меня расстрелять, но я не совершил никакого преступления!”⁶⁵.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Медведев Р. А. “Андропов”. М.: Молодая гвардия. 2006. С. 7.

² Решетников Л. П. Вернуться в Россию. Третий путь, или тупики безнадёжности. М.: ФИВ, 2013. С. 186–187.

³ Хантингтон, Самюэль. Столкновение цивилизаций (пер. с англ. Т. Величьева). М.: АСТ. 2018. С. 234.

⁴ Цит. по: Романов П. В. Россия и Запад на качелях истории: От Александра III до Сталина. СПб.: Торгово-издательский дом “Амфора”, 2015. С. 282. Одна из наиболее известных книг Э. Саттона *Trilaterals over America* (“Америка во власти Трёхсторонней комиссии”) была им опубликована в 1979 году, после чего по настоянию правительства США Саттон был лишён финансирования своих исследований в Гуверовском институте Стэнфордского университета (США). Исходя из приведённой выше цитаты Саттона и целой серии опубликованных им книг, становится понятным, почему именно В. Путин, начиная с 2005 года, вызывает такую неприкрытую ненависть Уолл-стрит и верхушки политического класса США.

⁵ См. подробно: Кузнецовский В. Д. Сталин. “Посредственность”, изменившая мир. М.: ЗАО “ОЛМА Медиа Групп”, 2010. С. 247–255.

⁶ В 1997 году в Софии на болгарском языке были изданы секретные дневники Георгия Димитрова, председателя Коминтерна под названием “Георгий Димитров. Кремлёвские вожди. 1934–1948. Свидетельства дневника Г. М. Димитрова”. Есть перевод на английский язык. На русский переведены не были. См.: letopis.vip-top.ru/when/20/dimitrov2.php.

⁷ Полный текст письма Ленина Покровскому от 5 декабря 1920 года, см.: Кузнецовский В. Д. Сталин и “русский вопрос” в политической истории Советского Союза. 1931–1953 гг.”. М.: Центрполиграф. 2016. С. 24.

⁸ Отечественная история. 1994. № 3. С. 148.

⁹ Историк-марксист. 1932. № 3. С. 50.

¹⁰ См.: Архив Российской Академии наук РФ (РАН). Ф. 1759. Оп. 2. Д. 13. ЛЛ. 158, 163, 169. Честь первого обнаружения этих стенограмм принадлежит А. Л. Юрганову. См.: Юрганов Андрей Львович. Русское национальное государство: Жизненный мир историков эпохи сталинизма. М.: РГУ. 2011, глава 1 и 2.

¹¹ В июле 1930 года на московском совещании историков-марксистов академик М. Н. Покровский в своём выступлении на заседании Общества историков-марксистов (выступление даётся по стенограмме), реагируя на требования украинского Общества историков-марксистов признать тот факт, что “русская помещичье-буржуазная и мелкобуржуазная историография отрицала самостоятельность украинского народа, самостоятельность украинской истории”, и требование от русской марксистской историографии признать “самостоятельность истории Украины на всём протяжении исторического развития украинского народа”, решительно возразил: “Но Украина государственной самостоятельности никогда не имела. И во второй половине XVIII, и в течение всего XIX и начала XX века Украины как государства не было. Так что мы не понимаем, что это значит – “самостоятельность истории Украины”, получается, что на “всём протяжении исторического развития украинского народа” самостоятельного государства у него не

- было, а история, выходит, была?” И далее издевательски заметил: “Что же мы должны... воображать, что в это время Николай I, Александр II и III были украинскими гетманами, что ли? (*Смех в зале*)”. – Цит. по: Юрганов А. Л. Русское национальное государство: Жизненный мир историков эпохи сталинизма. М.: РГГУ, 2011. С. 34–41.
- ¹² Сразу после окончания работы партийного съезда печать союзных республик широко и активно подхватывала этот мотив. Так, например, газета “Правда Востока” в номере от 6 августа 1930 года, акцентируя внимание на том, что “борьба с великодержавным шовинизмом — наша основная задача”, призывала “калёным железом выжечь колонизаторскую язву”, гнездящуюся в толще русских коммунистов.
- ¹³ Волынец А. Н. Жданов. М.: Молодая гвардия, серия ЖЗЛ. 2013. С. 113.
- ¹⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 67. Д. 131. Л. 131.
- ¹⁵ Многолетний Председатель Госплана В. И. Межлаук (1893–1938), один из главных теоретиков и организаторов системы советского планирования и индустриализации СССР, был в 1937 году арестован и приговорён к расстрелу. В тюрьме написал статью “О плановой работе и мерах её улучшения”.
- ¹⁶ Сталин понимал, что хоть в декабре 1945 года он и отобрал у Берии пост министра внутренних дел, но тот передал свои полномочия своему выдвиженцу Круглову С. Н., а значит, нужно было проложить прокладку между Берией и Кругловым. Вот Кузнецов и должен был выполнять роль такой “прокладки.” Забегая вперёд, стоит сказать, что неискушённый в царедворческих интригах А. А. Кузнецов с этой ролью справился плохо.
- ¹⁷ Бушueva Т. С. Закрытое Совещание в Москве, в ЦК ВКП(б) 1944 года по важнейшим проблемам возникновения русской государственности. – URL rusnauka.com>4_SPD_2013/istoria/1_127735.doc.htm.
- ¹⁸ Честь открытия стенограммы этой речи принадлежит профессору РГГУ Андрею Львовичу Юрганову.
- ¹⁹ См.: А. Л. Юрганов. Цит. пр. С. 484.
- ²⁰ На июньском (1957 года) Пленуме ЦК КПСС Маленкову было предъявлено прямое обвинение в том, что это именно он организовал фальсификацию “Ленинградского дела”. Стоя на трибуне, Маленков всё отрицал. Тогда (согласно неправленной стенограмме) голос из зала крикнул: “Но вы были секретарём ЦК! Кузнецова арестовали по выходе из вашего кабинета! **Маленков:** Совершенно правильно. К моему стыду, ряд лиц был у меня как у завотделом, их арестовали по выходе из кабинета, это верно, я не отрицаю... Но аресты производились по решению соответствующих инстанций, причём были соответствующие показания и доказывалось это. Я теперь вместе с вами также возмущаюсь и сам считаю себя виновником. Это абсолютно верно”.
- ²¹ **Тройки НКВД СССР или республиканские, краевые и областные тройки НКВД СССР** – органы административной (внесудебной) репрессии при республиканских, краевых и областных управлениях НКВД СССР, созданные в целях проведения операции по репрессированию “антисоветских элементов” и действовавшие в СССР с августа 1937-го по ноябрь 1938 года.
- Тройки НКВД СССР осуществляли свою деятельность в соответствии с Оперативным приказом народного комиссара внутренних дел СССР Н. И. Ежова от 30 июля 1937 года № 00447 “Об операции по репрессированию бывших кулаков, уголовников и других антисоветских элементов” в составе руководителя управления НКВД СССР по республике (краю, области), секретаря обкома ВКП(б) и прокурора республики (края, области); имели право приговаривать арестованных лиц к расстрелу, а также к заключению в лагеря или тюрьмы на срок от 8 до 10 лет.
- ²² РГАНИ. Фонд 3. Оп. 22. Ед. хр. 108. Л. 1. Решение Политбюро ЦК ВКП(б) от 7 января 1947 года № П56\34 100-кп.
- ²³ См. выписку из протокола № 59 заседания Политбюро от 15 июля 1947 года, п. 48: “О проекте новой Программы ВКП(б)”. – РГАНИ. Ф. 3. Оп. 22. Ед. хр. 108. Дело № 7-Д\1-2. Л. 7.
- ²⁴ Полный текст этого документа см.: РГАНИ. Ф. № 3. Оп. 22. Ед. хр. № 107-108-а. Л. 105–152. Все дальнейшие вставки из проекта Программы даются по этому источнику. *Примечание автора:* О конкретной работе над этим документом мне в 1984 году во время работы в Президиуме АН СССР рассказывали академики П. Н. Федосеев и М. Б. Митин.
- ²⁵ См. Алексей Волынец. Ленинградское дело; 2013-03-01 и 2013-02-19.

- URL АПН <http://www.apn-spb.ru/publications/article/112341.htm> (дата обращения: 2015.02.23).
- ²⁶ Пыжиков А. В., Данилов А. А. Рождение сверхдержавы. 1945–1953 годы. ОЛМА-ПРЕСС. 2002. С. 132–133.
- ²⁷ Там же. С. 138–139.
- ²⁸ Там же. С. 207, со ссылкой на РГАСПИ.
- ²⁹ И. Сталин. Экономические проблемы социализма в СССР”. М.: 1953. С. 43–44.
- ³⁰ Там же. С. 48, 54–55.
- ³¹ Подробно эта сторона дела описана в книге: Кузнецhevский В. Д. Эпоха Владимира Путина. М.: Центрполиграф. 2018. С. 102–112.
- ³² См.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1071. Л. 28–29; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 1513. Лл. 75, 77, 79–80.
- ³³ Судьбы людей. “Ленинградское дело”. СПб: Норма. 2009. С. 46.
- ³⁴ Хлевнюк О. В. Хозяин. Сталин и утверждение сталинской диктатуры. М.: РОССПЭН. 2010. 478 с.
- ³⁵ Услугу Помазнева Маленков позже оценил высоко. Сразу после Постановления Политбюро ЦК о снятии Н. Вознесенского с поста председателя Госплана 13 марта 1949 года Сталин принимает предложение Маленкова о назначении Помазнева управляющим делами Совмина СССР, награждает его орденом, а позднее Помазнев становится кандидатом в члены ЦК ВКП(б). Но Маленков отдавал себе отчёт в том, что он сам и Помазнев слишком уж явно замазаны в “Ленинградском деле”, и потому после смерти Сталина сразу же убирает Помазнева из Москвы, направляя его председателем Областной плановой комиссии в Рязань, а записку Помазнева по поводу Вознесенского со своими письменными следами из архива изымает. На сегодняшний день текста этой записки-доноса более не существует. Сохранилась лишь запись о том, что этот документ товарищем Маленковым из архива “Ленинградского дела” изъят и не возвращён.
- ³⁶ Миронин С. С. Сталинский порядок. М.: Алгоритм, 2007. С. 114–115.
- ³⁷ Известия ЦК КПСС. 1989. № 2. С. 127.
- ³⁸ Судьбы людей. “Ленинградское дело”. СПб.: Норма. 2009. С. 47–48.
- ³⁹ См.: Мартиросян А. Б. Двести мифов о Сталине. Миф № 176: “Сталин незаконно и жестоко расправился с ни в чём не повинными руководителями ленинградской организации. (“Ленинградское дело”). — URL http://gramotey.com/?open_file=12690884#ТОС_id290036.
- ⁴⁰ Судьбы людей... С. 46.
- ⁴¹ Рыбас С. Ю. Московские против питерских: “Ленинградское дело” Сталина. М.: Алгоритм. 2013. С. 134.
- ⁴² Святослав Рыбас, историк, писатель. “Ленинградское дело”: разгром “русской партии”. Культура. 3–16 августа 2012 года. С. 7.
- ⁴³ См.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1074. Л. 35–36.
- ⁴⁴ Рыбас С. Ю. Сталин. 2-е изд. М.: Молодая гвардия. 2010. С. 814.
- ⁴⁵ Столяров К. А. Палачи и жертвы. М.: ОЛМА-ПРЕСС. 1997. С. 135.
- ⁴⁶ См.: Шульгина Н. И. Цит. пр.
- ⁴⁷ Миронин С. С. Сталинский порядок. М.: Алгоритм, 2007. С. 113.
- ⁴⁸ Рыбас С. Ю. Московские против питерских: “Ленинградское дело” Сталина. С. 134.
- ⁴⁹ Фальсификация результатов голосования — изменение качества в сторону ухудшения при сохранении внешнего вида... — Большой толковый словарь русского языка. РАН, Институт лингвистических исследований. СПб: НОРИНТ. 2004. С. 1415.
- ⁵⁰ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 121. Д. 569. Л. 68.
- ⁵¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 121. Д. 569. Л. 67. Первый секретарь МГК был, по-видимому, поопытнее в царедворских интригах и на письмо не ответил. Возможно, что этим спас себе жизнь. Не случайно ведь из всех назначенцев Жданова после “Ленинградского дела” в живых остались только два человека — Попов и Косыгин. Попов был снят со своих должностей Сталиным только в декабре 1949 года и был назначен вначале министром городского хозяйства СССР, затем последовательно директором ряда авиационных заводов, а после смерти Сталина — послом в Польшу. На пенсию Г. Попов ушёл в 1965 году в возрасте 59 лет, а умер на 61-м году жизни в своей постели, пережив всю “команду” Жданова на целых 17 лет.

- ⁵² Там же. Оп. 3. Д. 979. Л. 3-4.
- ⁵³ Там же. Л. 8.
- ⁵⁴ РГАНИ. Центральный Комитет ВКП(б). Политбюро. Особая папка. Ф. 3. Оп. 22. Ед. хр. 63. Дело № 7-Б\4-а. Л. 10-12.
- ⁵⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 15.20. Л. 125, 126, 127.
- ⁵⁶ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1074. Л. 59. Л. 107-116.
- ⁵⁷ Маленков А. Г. О моём отце Георгии Маленкове. М.: НТЦ Техноэкос. 1992. С. 88.
- ⁵⁸ Из постановления Пленума ЦК КПСС. 31 января 1955 года “О товарище Маленкове Г. М.”
“Заслушав доклад тов. Хрущёва Н. С. о тов. Маленкове Г. М. и полностью одобряя предложения Президиума ЦК по этому вопросу, Пленум ЦК КПСС считает... “Тов. Маленков несёт моральную ответственность (*только моральную!* — **Вл. К.**) за позорное “ленинградское дело”, созданное Берией и Абакумовым, оклеветавшими перед И. В. Сталиным ряд руководящих работников... Тов. Маленков, находясь в столь тесных отношениях с Берия, не мог не знать о клеветнических наветах на этих работников со стороны Берия перед И. В. Сталиным”.
- ⁵⁹ Известия ЦК КПСС. 1989. № 2. С. 130.
- ⁶⁰ Известия ЦК КПСС. 1989. № 2. С. 130.
- ⁶¹ Л. А. Вознесенский, знакомящийся с архивным делом своего отца, рассказал автору этих строк, что после ареста следователь 98 раз вызывал Алексея Александровича для допроса, каждый раз в два часа ночи. Допросы всегда продолжались по 4-4,5 часа.
- ⁶² Летом 2012 года я спросил Л. А. Вознесенского, что означали в этом документе КПК слова о том, что следователи обманывали арестованных? Сославшись на беседы с членом Комиссии партийного контроля при ЦК КПСС А. И. Кузнецовым, Лев Александрович рассказал, что следователи НКВД убеждали “ленинградцев”, что если они подпишут навязываемые им протоколы допросов, то на самом деле их не расстреляют, а направят на подпольную партийную работу.
- ⁶³ Цит. по: Столяров К. А. Палачи и жертвы. М.: ОЛМА-ПРЕСС. 1997. С. 57.
- ⁶⁴ Куприянов Г. Н. (1905-1979). В 1937-1950 годах — первый секретарь ЦК КП(б) Карелии, депутат Верховного Совета СССР, участник военных действий в Великой Отечественной войне на территории Карелии, генерал-майор. В 1950 году осуждён по “Ленинградскому делу” (как утверждал бывший председатель КГБ СССР А. Шелепин, по доносу своего бывшего подчинённого, второго секретаря ЦК КП(б) Карелии Ю. В. Андропова), приговорён к смертной казни, которая позже была заменена на длительное тюремное заключение. В 1956 году освобождён, в 1957 году полностью реабилитирован.
- ⁶⁵ Куприянов Г. Свидетельствую. Звезда. 1989. № 3. С. 176.